

ЗАПИСКИ

НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ

ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНатора

Н. В. Копухина,

писатель и поэт Оренбургской губернии II-III п. класса
из семьи крепостных крестьян из села Покровка, и
СОЧИНЕНИЯ ИМЪ САМИМЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА.

— въ альбомѣ Шапошникова былъ опубликованъ письмомъ съ падрею, посланъ въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1860.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагая «Записки и некоторые обстоятельства жизни и службы Действительного Тайного Советника и Сенатора, И. В. Лопухина, сочиненные имъ самимъ, въ двухъ частяхъ», считаю нужнымъ сказать, съ своей стороны, что онъ тщательно свѣрены мною по нѣсколькимъ спискамъ. Извѣстно, что сочинитель самъ раздалъ довольно списковъ своихъ «Записокъ» въ разные руки и мѣста, въ томъ числѣ и для храненія въ Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ это видно изъ письма его къ Управлявшему тогда онимъ, А. Ф. Малиновскому. Письмо это присоединилъ я къ концу второй части сихъ «Записокъ», изъ которыхъ ни одно мѣсто, ни одно выраженіе, даже слово не исключены ни кѣмъ, но все въ нихъ именно въ томъ самомъ видѣ, какъ въ подлинникѣ.

О. Бодянский.

Ноября 21 дня, 1860 г.
Москва.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 10 дня, 1860 года.

Цензоръ Гильяровъ-Платоновъ.

ЗАПИСКИ

о

НѢКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ

ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я родился 24-го Февраля, 1756 года. Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые, и бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи, но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наиболѣшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По Французски училъ Савояръ, незнавшій со всѣмъ правильъ языка. По Нѣмецки Берлинецъ, которой ненавидѣлъ языка Нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталь Французскимъ, и сколько умѣль, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою мою къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своеемъ для одного виду, и я, выучась только читать по Нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ

послѣ окончанія мною такого ученья, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семь духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языкокъ, которыхъ ни одного, какъ и своего при роднаго, не знаю и по сѣе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, естьли я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же, какъ и обыкновенное родителямъ, особенно въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не дозволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной, и, сидя дома, водилъ строи и давалъ бatalii по Пвисегору и Фоларду. Кампаніями армій нашихъ противъ Турокъ войны, начавшейся въ 1769 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операций. Нѣсколько ночей беспокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшился кампанія Князя Голицына подъ Хотиномъ, и хотя почти уже 40 лѣтъ, не имѣль я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа.

Около сего времени лишился я моей матери. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобы онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардіи Унтеръ-Офицеромъ, и въ 1775 году именнымъ указомъ пожалованъ въ Пррапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошие дни. Потомъ еще года три сряду въ каждой мучила меня лихорадка. Это время, въ самые бурные лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся при томъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховойездѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня

часть уголовная. Съ большою прилежностью собирая я всѣ возможныя по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышать, и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живуши тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, Городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобы не побывать въ тюрмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года по прозѣбѣ моей, за болѣзнями, отставленъ я изъ Капитанъ-Порутчиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ Полковничкомъ, а въ концѣ того же года, при открытии, по новымъ учрежденіямъ, Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней Совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобы какъ невинной не быть никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію, сколько можно больше умѣренного, не удаляясь, однако жъ, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особенно, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянию свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ обѣ ней. Но не находящійся еще въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ, ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершенного изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенныя и такія, чтобы исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинной разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдуматъ противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольного вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь многое свойственное большей части людей, особенно тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытии виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только суды не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобы ею прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такие, по несчастію, очень рѣдкіе суды и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣ и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершиенно доказать не можно, предоставить правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «Что же? И такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силь разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно.—Нѣтъ: надобно ихъ употреблять найприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ они недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди направляютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобы его наказать, и, безъ совершенного увѣренія въ его винѣ, спѣшить осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оной бы совершиенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвениемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видъ доброго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ об-

виненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому ни будь, можетъ быть, особливо несчастному стеченью обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько же по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Одинъ случай относительно къ сему расположенію моему, въ бытность мою Советникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ чтобы разскказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернского Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы. Государыня приказала взять изъ Палаты дѣло для предварительного разсмотрѣнія. Имінной о семъ указъ объявилъ бывшій тогда въ 6-мъ Сената Департаментѣ Оберъ-Прокуроръ Князь Гагаринъ. Но какъ, по узаконенію, Оберъ-Прокуроры не имѣютъ права объявлять имінныхъ указовъ, то я не согласился отдавать дѣло изъ Палаты, и подаль о томъ голосъ. * Дѣло отослано было по большинству голосовъ, но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устрашиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ, и даже на самое принужденіе съ большою досадою бывшаго тогда Главнокомандующимъ Графа Захара Григорьевича Чернышова.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста, а я остался, какъ старшій Советникъ, отправлять его должность. Старался служить очень усердно, и какъ тогда, такъ и съ начала вступленія моего въ Палату, да и до самого выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинилъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ Палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его; ибо без-

* Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты 22 Ноября, 1803 году, и по слѣдовавшее о томъ въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я быть одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Неохотники до меня и столько жь, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, воліяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развозжу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему, что ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытия въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываютъ, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказанного мною расположенія, а Главнокомандующій, Графъ Захаръ Григорьевичъ, подкрѣпляя меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне. Онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобы наказанные могли отдаваться въ рекрутъ. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго, хотя оное на бумагѣ и не изъявлялось, по тому что въ то время не вносились еще на разсмотрѣніе начальниковъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морского Устава, въ коей сказано: «За первую, другую и третью кражу наказывать, что разъ, то жесточае, по разсмотрѣнію» (книга V, гл. 17, ст. 127).

Чрезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобы преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы, сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно и общественной пользѣ тѣмъ соответствственно, что не оставались въ тягость селеніямъ такимъ образомъ наказанные за преступленія, которые между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особенно часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ, и дынѣ существующія, узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домомъ за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно, сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобы за преступленія, кои въ народѣ очень часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлалисьувѣчными и негодными въ рекрутъ, воровство же при всемъ томъ не уменьшалось, какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно, въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобы цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія; ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единствено чистиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній; естьли судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазнителенъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящій означается степень разврата въ преступникѣ.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплю не должно влияться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только бесплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распределены, чтобы сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе кажется есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо человѣчества на землѣ и всевозможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ, конечно. Цѣль наказаній и мѣра ихъ должны быть не иные, какъ выше сказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соответственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Естьли бъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни. И тогда многія дѣла или извиняемыя, или за преступленія не

считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто не примѣчаемыя.

На примѣръ, судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершенного увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько жь самъ ее заслуживаетъ, и столько жь преступникъ, если не больше, какъ неумышленной убийца, и даже такой, которой убиль, разсерженъ будучи. Кто наклонилъ всѣ суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угощденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно, не меныше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ Христіянскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наканіяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и бесполезна, кроме того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресечь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія.

Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохрания ихъ всегда на полезную для государства работу службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишения свободы.

Извѣстны примѣры Христіянскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предавшихъ себя на изгнанія изъ подвига вѣры и чистой

любви къ Богу спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбиемъ: но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобы не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственного злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ случаѣ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее.

Впрочемъ, вѣроятно, что того рода злодѣи не думаютъ о смерти при своихъ предпріятіяхъ; что они предпочитаютъ ее страданіямъ и заточеніямъ, то доказывается многими примѣрами, что они по большей части готовились отравлять себя при неудачахъ и умерщвляли себя при оныхъ.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышова не стало въ 1784 году лѣтомъ. Преемникъ его, главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю по привычкѣ его къ властолюбію, коей угощденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предъубѣждѣнію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покориться. Слабость такая въ немъ была слишкомъ обыкновенная многимъ придворнымъ. О семъ обстоятельствѣ скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности. Теперь же обѣ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенной къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убіїцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобы перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣть къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено.

нено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣть права возвращать ихъ. А ежели онъ несогласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представлениемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгневался г. Главнокомандующій. Однако ни сколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «Какъ, разбойникамъ и смертоубийцамъ давать только по 50-ти ударовъ!» — «По скольку жь бы, Ваше Сиятельство, думали?» спросилъ я его — «По скольку?» — отвѣчалъ: «Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.» — «Да эдакъ будемъ всегда застѣкать до смерти.» — «Чего жь ихъ жалѣть?» говорилъ онъ; «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.» — «Такъ,» отвѣчалъ я; «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели, вмѣсто того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія.»

Графъ мой сталъ тише. — «Однако жь,» говорилъ мнѣ, «странны, что Вы такъ разсуждаете; вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10 ударовъ.» — «Конечно,» я говорилъ, «это можетъ иногда случиться по какимъ ни будь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но если я буду давать такія сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ своемъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.» — «Но какъ же Вы узнаете мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ. — «Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч.», отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говорить: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолѣли меня, Вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видаль такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора ненадобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюся съ Вашимъ опредѣленіемъ и даю Вамъ слово никогда съ Вами не сиорить.» Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы, наконецъ, противъ меня, не останавливалъ ни одного приговора Палатскаго.

Я рассказалъ сіе произшествіе, какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому не соглашавшемуся, и тѣмъ больше, чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И, конечно, ни одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи, но не многіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однако жь, продолжалось, и думаю, отъ того сильного предубѣжденія, которому, какъ сказала я выше, не могъ онъ сопротивляться; всевозможная выискиваль онъ къ тому средства. Посадилъ въ Палату двухъ Членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобы они всячески шли противъ меня. Но, не смотря на обѣщанныя имъ отъ него за то награды, и на ужасные угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою Предсѣдателемъ въ Палатѣ меня даже беспокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: «Для чего никогда они не спорятъ? Неужель я никогда не ошибаюсь. А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны?» Они всегда отвѣчали, что нельзя, и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка. Можетъ быть они и пристрастны ко мнѣ были, но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Также отзывались самому покровителю своему два Члена, определенные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ругательствахъ. Онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время производить въ Палатѣ то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывать по случаю несогласія моего принять имянной указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленной. Дѣло сіе было очень пространное и требовало еще пополнительного производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишеть, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и особливо Предсѣдателя, утопаетъ въ медленности; чтобы оно непремѣнно въ дѣлѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то Предсѣдатель и Члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изясняется,

что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ экстрактѣ своемъ на тысячу листахъ и еще производствомъ не совсѣмъ окончано, а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; что, впрочемъ, не имѣть онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ Регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій, по обширнымъ дѣламъ, дается времени шесть недѣль; что, наконецъ, исправность Палаты доказывается числомъ дѣлъ рѣшеныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено Главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и прозьбу оувольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ, однако жъ не послалъ въ Сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надмѣннымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которыми нужно оказать примѣръ строгости. Однако, Государыня съ кротостю, которая отличала ее, изволила только отвѣтить ему, чтобы онъ «не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ быть рѣшить я самъ; чтобы я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія».

Главнокомандующій на первой же почтѣ, получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобы призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ оной указъ, съ изключеніемъ изъ него словъ отъ себя и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ присутствіи Правленія дѣлалъ мнѣ Губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкой нарушитель закона, объявляя имянной и подписной указъ съ перемѣнью словъ его, ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта; что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно, не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особенно такъ важного, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющій ему оставлять службу; но когда Ей угодно было неисполнить мою прозьбу, то Она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему объявить мнѣ только отъ себя; что, впрочемъ, повелѣніе сие приемлю я знакомъ Высочайшей ко мнѣ довѣренности и

хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ Палатѣ, въ которой, между прочими, рѣшилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оно большое о купцахъ дѣло. По особливому уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и найпаче относительно къ Графу Захару Григорьевичу Чернышову, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобы, когда оно рѣшится, то, ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ, но Государынѣ угодно было опредѣленіе Палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по Ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ Палатѣ Графъ Брюсъ тотчасъ отославъ удержанную имъ у себя прозьбу мою объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто аттестата, всего произшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы; однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина Статскаго совѣтника. Сіе было въ Маѣ 1785 года.

КНИГА ВТОРАЯ.

Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, вѣсною не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее приѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыхъ стали тогда моими любимыми: * въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ

* Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцомъ, однако, кажется, болѣе старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательной со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу *Système de la Nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (*Code de la Nature*). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсыпать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самыи красивыи письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Теперь у меня нѣть ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ въ 1787 году, съ которого напечатано въ нынѣшнемъ, 1809, въ Февральской книжкѣ ежемѣсячного изданія «Друга юношества.»

тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и по нынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его по тому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей картинѣ Парижа, называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги *O заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто Ст.—Мартенъ, мужъ почтенной своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль его общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно Евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особенно готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства приобрѣтать знанія и качества, нужные къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ Архіереевъ, съ великою признательностью.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говорить Соломонъ, въ книгѣ премудрости гл. VII, ст. 17 — 22 *, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена не сомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго Христианина, и самый нехристианинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравой имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной прогрѣшности противъ разсудка.

Сіе произошло года за два до вступленія моего въ общество. Первый же книги, ролившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная «*O заблужденіяхъ и истинѣ*», и Аридта «*О истинномъ Христіянствѣ.*»

* Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣнъ и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиление и помышленія человѣковъ, разнство народовъ и силы кореній.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько ни будь съ благоразумiemъ помыслить о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными сливущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоить въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: Люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣшивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовию къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной, заповѣди, которой смысль есть, конечно, тотъ, чтобы въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенные Божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобиемъ Божіимъ, и которое должноствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіянской Церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величие человѣка. Самопознаніе должноствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ соратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь

его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самаго себя. Безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семь пишутъ и говорять при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ; въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божиемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ человѣкомъ цѣломудреніемъ, или почтеніемъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оной святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ рождать страхъ Божій, которой есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самая наказанія Божія въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительная дѣйствія любви его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета, бывшаго у нась общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должностъ осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разныя о нась толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить добромъ.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего

въ собранияхъ, такъ называемыхъ, лутчихъ людей или публики, не только никогда не говорять, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправлениіи и проч?

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя вѣтъ жертвуютъ.

Сие вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходит, съ тѣмъ, что, когда онъ хранитель особы Государыни, то Ей нечего опасаться. Онъ все предъупредить.

По сему расположению удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденного подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество, долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ Московскому Архіепископу, которой нашелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ онъ, чтобы было больше. Сими словами доносилъ Преосвящ. Платонъ о порученному ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предъ-

убѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсъ прїѣхалъ начальствовать въ Москву и коимъ, особенно побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По прїѣздѣ своемъ въ Москву не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво, но дажеувѣрялъ, и казалось искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и приятельское со мною знакомство, изъявляя при томъ особливое ко мнѣ уваженіе. Сие продолжалось нѣсколько времени и послѣ разсказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говорить мнѣ на одинѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесеть онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и вогробъ (сіи были точныя его слова), однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. «Естьли это таково, какъ Ваше Сиятельство сказывать изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣть человѣкъ, и чѣмъ важнѣею обязань должностю, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и заставлять исполнять ея правила.»

Разговоръ нашъ былъ длинной и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что Графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобы я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно Государынѣ. «Волю ея о семъ, что ли», спросилъ я его, «объявляете Вы мнѣ?» — Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я Вамъ это. «Что жъ», отвѣчалъ я, «неужели Государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едава ли Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ». «Да», сказалъ онъ, «Вы Ей слишкомъ извѣстны, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите.» — «Позвольте мнѣ усомниться», говорилъ я, «чтобъ такой мудрой Государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете». «Да, Она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — «Можетъ по тому», говорилъ я, «что она Ей непрямо извѣстно; такъ стоять только ей объяснить; а обѣ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять Государамъ правду.» — «Ты поди, объясняй Ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобы Ея Величеству угодно было, чтобы кто ни будь оставилъ столь хорошія упражненія. Есть ли Она того желаетъ, по противному обѣихъ понятію, не имѣя способовъ получить истинаго, то я думаю угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея была бы слабость и чувство, противное тому уваженію, какое имѣть естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такие то подные угождатели должны быть Ей больше всего неугодны.

«Знайте жъ», сказаъ мнѣ Графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, «что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе Шалатѣ, о коемъ я описывалъ, и къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ прозьбу мою обѣ отстаткѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описаъ онъ, конечно, и съ оттѣнками еще своими, и послѣднюю между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать, и онъ къ ней писывалъ свободно.

И такъ въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики птили ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени Французской революціи. Третыи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостию. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами невѣра при томъ существованію духовъ, * и разныя разглашали неизвѣстности, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько неподѣльно распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые,

* Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, всезѣніющій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ, а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобы они могли имѣть вліяніе на человѣковъ.

и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенъко.

У страха, говорять, глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потерпятъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строить свою фортуна на беспокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобы ей сохранять ихъ покой.

Много также дѣйствовали предъубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

Всѣ сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ нась недостаткѣ; а система наша, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. Той же философіи система — отвергать Христа, сомнѣваться въ бессмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостю самолюбія. А обществъ оныхъ предметъ былъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бывають тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобы не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ Причастіи. Но что жъ изъ того заключить можно противъ Причастія? Мистеріи древнихъ служить сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую ону философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больныя, изнутивъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ ни будь не важ-

нымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, естьли бъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотреблениe власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣrie и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства, безъ истиннаго живаго духа вѣры, безъ духа Христова, безъ свѣта премудрости Божией, суть тодля тѣла политическаго, что, безъ кровочистительныхъ, лѣкарства и пластири, могущіе залѣчивать наружныя болѣчки для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя правительства, подозрѣнія, скрытые призмоты полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого, ни при Дворѣ, нигдѣ. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ простодушно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества, но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ ни сколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылалисъ къ Государынѣ. Я симъ ни мало не беспокоился, и знаяши, писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наодинѣ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобы въ письмѣ къ моему пріятелю, стати расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества, и такъ справедливо, что ни какими бы слѣдствіями и розысками иного не могло открыться, потому что самъ сердцевѣдецъ видѣлъ, что иного не было. И подлинно въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ни чего, кромѣ очень доброго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества. Еысли же и были между нами частныя, въ обществахъ людскихъ неизбѣжныя, слабости, или ошибки, то они имѣли не болѣе вліянія на общее государства, какъ слабости и ошибки миллиновъ, составляющихъ его и подверженныхъ таковыми недостаткамъ въ человѣчествѣ.

Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу, что и Государи могутъ ошибаться, и что

ежели Государыня, не имѣя прямаго понятія о какой ни будь доброй вещи, дурныхъ обѣй ней мыслей, то ни какъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ Ея заключеніемъ, и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ предъ Богомъ и предъ Ея собственно истиннымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобы Она прочитала.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго Катихизиса употребиль я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвященнаго Платона, Митрополита Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однако жъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль обѣ ономъ Катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на Французской языкѣ и напечатавъ его въ типографії компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ.

Я помѣщу его здѣсь. Не зная, сходно ль это будетъ съ порядкомъ исторического сочиненія, но я уже сказалъ, что я не ученой, слѣдовательно, несоблюденіе мною правильности и учености извинительно, особливо въ сихъ Запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ, * изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быть мою читать тѣмъ охотнѣ, что это подлинно было, и тетрадка та можетъ быть пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

* Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для провождения времени, и никогда бы онъ сочинены не были, естьли бъ мнѣ писать своею рукою.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ
КАТИХИЗИСЬ
ИСТИННЫХЪ Ф-КЪ М-ВЪ.

Аще сынъ вы свободите, тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М.?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ найпаче отличается истинный Ф. М.?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ Христіанскимъ.

3. Какая цѣль орд. истинныхъ Ф. М.?

Главная цѣль его также, что и цѣль истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаема и отлученъ быть отъ Иисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

Послѣданіе Иисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чѣмъ долженъ находить

свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посреди сего міра, не прикасаясь сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣданія Иисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9) На какой материі работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10) Въ чёмъ состоить ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію Царства сего.

11) Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12) По чому таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

По тому же, по чому не всякий можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣ сущаго.

13) Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14) Что открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15) Всѣли Ф-къ М-ны должны искать оного таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути, къ нему ведущіе, должны они всѣ искать, во первыхъ, Царствія Божія и правды его, и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16) Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра

умереть безъ роптанія; также чтобы быть готовъ сносить величайшую бѣдность, обладающи способами производить богатства, пре-восходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренno пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ источника свѣта, и имѣя съ Иисусомъ Навиномъ силу остановить солнце, и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ, и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго своего Владыки.

17) Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ долженъ Царя читть и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо добромъ и кроткому, но и строптивому. 1. Петр. II, 17, 18. Ефес. VI, 5, 7.

18) Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим. XIII, 1 — 5.

19) Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи вѣнчанаго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія вѣнчанаго.

20) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Найболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и учениіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всячаго въ немъ блага, и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

22) Какъ онъ долженъ расположень быть противу своихъ враговъ? Любить ихъ.

23) А противъ тѣхъ, кои клянутъ его?

Благословить ихъ.

24) Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25) А съ тѣми, которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26) Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая. *

27) Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Естьли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и естьли кто пожелаетъ заставить его ити съ собою версту, то ити съ нимъ и двѣ. Мате. V, 40, 41.

28) Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидить?

Естьли кто ударить его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29) Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. читть Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30) Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправлениіи долга своего къ отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ, служать къ распространенію.

* Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ, также должны они молиться тайно, постысь, умашать главу свою и умыгать лицо, какъ сказано въ Евангелии, и слѣдовательно общимъ въ общежитіи обычаемъ, какъ-то въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч., томъ, подобномъ, избѣгая и виду лицемѣрия. Мате. V, 42; VI, 3, 6.

страненію Царствія Божія, или къ сопротивленію оному, и имѣя не-престанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда, или благость Господня, котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31) Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать, слушать и любить (Ефес. VI, 1, 2), но такою любовию, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Иисуса Христа, речаго: «Аще кто грядеть по мнѣ, и не возненавидить отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братія, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ. Лук. XIV, 26, т. е., не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовю къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ нему не возненавидѣть, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32) Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволиъ сотворить ему помощницу и, отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. Быт. II, 21, 22.

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: «лучше есть не женитися.» Онъ же рече имъ: «Не вси вмѣщаются словесе сего (не всѣ могутъ не жениться), но имъ же дано есть: суть бо скопцы, иже изъ чрева матеря родишася тако, и суть скопцы, иже скопиша отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже искашиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣстить.» Мате. XIX, 10 — 12.

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144,000 искупленныхъ отъ земли: «Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣственницы суть; сіи послѣдуютъ агнцу, амо же аще пойдетъ; сіи суть куплены отъ людей первенцы Богу и агнцу: и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся лесть; безъ порока бо суть предъ престоломъ Божіимъ.» Апок. XIV, 4, 5.

Іовъ сказалъ: «Завѣтъ положихъ очима моими, да не помышлю на дѣвицу.» Гл. XXXI, 1. А св. Апостолъ Павелъ къ Коринѣянамъ говоритъ. «Хощу бо, да вси человѣцы будуть, яко же и азъ (въ безбрачіи

и необщеніи плотскомъ съ женами); ащели не удержанятся (естыли похоти плотской воздержать не могутъ), да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизнатися.» I. Кор. VII, 7 — 9.

33) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь, беречь ее и содержать, какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобы она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. Ефес. V, 25, 26.

34) Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ Царствіе Божіе, какъ говорить Христосъ. Іоан. III, 5.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36) Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питія?

Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушении пищи и питія. I. Кор. X, 31; употреблять, долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбія, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителю истиннаго человѣка внутренняго и духовнаго, сотвореннаго по образу и по подобію Божескому. I. Кор. II, 14, 15.

37) Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться къ смерти?

Непрестанно стараясь умирать грѣху. Рим. VI.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?

Тогда, какъ ветхій Адамъ совлечень совершиенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершино предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощеть

прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится вѣнчне, и когда царство самой природы освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца.

Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности, назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго Христіанства, присоединилъ я послѣ къ сочиненій мною въ то же почти время книги, подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798, а второй въ 1801 году. Она переведена очень хорошо на Французскій языкъ, и сей переводъ также напечатанъ въ С. Петербургѣ, а послѣ вышло оное изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи моего сочиненія, изображающаго храмъ природы и благодати, съ моимъ же изъясненіемъ, которое на Русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ. * Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ найлучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ. Оной же Катихизисъ точно въ томъ содѣржаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненій мною, охотничкъ извѣстной, піесѣ подъ именемъ *Духовный Рыцарь* или ищущій премудрости, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ обѣ немъ мысль. Отобѣдавши тотчасъ пошелъ я прогуливаться. Въ прогулкѣ составился весь планъ, и я, съ Покровки дошедшіи только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный Катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто*

* Самой хороший переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ слѣдованъ нѣкоторымъ Г. Эвальдомъ, и помѣщенъ въ его Христіанскомъ мѣсячномъ изданіи.

можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ? которая также переведена на Французской ипущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый близайшій другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ, его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое *О внутренней Церкви*, хотя напечатано уже въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашимъ утѣшеніемъ, потому что ощущительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользу. При всемъ томъ, однако жъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланного одобренія Г. Эккардтгаузеномъ, который называлъ книгу сію драгоцѣнною и истинною мудростью исполненою. Признаюсь также откровенно, что удовольствію оному причиной сколько самолюбіе мое, которое весьма еще далеко отъ своей смерти, сей единственной совершильницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣплѣніе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтиль Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. И смиренію — у него бы мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо, писалъ дней за десять до своей смерти, и прислая ко мнѣ въ манускрипти послѣднее же, думаю, сочиненіе свое о согласіи вѣнчніхъ законовъ природы съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставление Клоаса, жреца природы, Софроніму*. Въ письмѣ томъ пишеть, что ежели сіе его сочиненіе заслужить мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе я закрасился, при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе Г. Эккардтгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ, и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на Русской языкѣ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ, Александромъ Федоровичемъ Лабзинскимъ, которой перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа,

какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, спо-
спѣшествующихъ распространеню свѣта Божественной мудрости и
назиданю глубокаго Христіанства, при дѣятельности, великодушною
твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему
почтенiemъ и признательностью всѣхъ любителей истины и просвѣ-
щенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго *Сіонскаго Вѣстника* должно
дѣлать имя его любезнымъ и бессмертнымъ.

Книгу О внутренней Церкви сочинялъ я въ 1789 году, оправ-
ляясь послѣ жестокой болѣзни, и многое изъ нея написано мною
карандашемъ, въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Горо-
ховомъ Полѣ, которой тогда открыть былъ для народнаго гулянья
и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни оной къ совершенному выздо-
ровленію стоитъ того, чтобы описать его. Всѣ знающіе, какъ дѣй-
ство силы милосердія Божія чрезъ вѣру и раствореніе сердца лю-
бовью разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ,
конечно, прочтутъ сіе описание.

Отъ простуды сдѣлалась у меня, при безпрестанномъ почти кашлѣ,
боль въ груди и въ боку и нѣсколько недѣль продолжалась уже
изнурительная лихорадка (*fièvre lente*), вѣрная предвѣстница чахотки,
которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ
и объявили рѣшительно, успокоивая только меня тѣмъ, что въ раз-
сужденіи лѣтъ моихъ, уже не самыхъ молодыхъ, могу еще я нѣ-
сколько ихъ прокашлять.

Занемогъ я въ Великой постѣ. На Страстной недѣль семейство
наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ
его состояніи, не могъ Ѵздить въ церковь, и причащался дома. По
болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься,
послѣ обѣдни. Въ день причастія долго утромъ пролежалъ я отъ
болѣзни въ постели, насили усталъ. Между тѣмъ торопили меня
итти къ отцу моему въ спальню слушать правило. Все это трево-
жило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ
правило, пришелъ въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камер-
динеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился
я до изступленія, ругалъ его, не бывъ только отъ говорившаго еще
нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія
по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была та-
кими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были.

Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его.
Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка
и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру.
Можно себѣ представить, какая это была сцена.

Туть мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ
въ слезахъ же и рыдая причащался, и причастился подлинно.

Проводя священника, легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ и проснув-
шись, почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой
медици уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ, я про-
снулся здоровъ.

Скоро послѣ того прїѣхалъ ординарный дома нашего докторъ.
Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: «Вы совсѣмъ здоровы, гово-
риль онъ мнѣ; въ пульсѣ Вашемъ не только уже нѣть ни сколько
лихорадки, да онъ такой чистой и свѣжій, какъ бы у самаго здоро-
ваго человѣка. Ну, радъ я, прибавиль онъ, что порошки мои такъ
Вамъ помогли; однако скорость перемѣны необыкновенная.

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ
не принималъ, и вѣсъ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней
предъ тѣмъ принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію,
цѣлительнѣйшихъ порошковъ его, но у меня пошла кровь горломъ,
и одинъ медикъ, который по пріязни меня всякой день посѣщалъ,
совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разруши-
тельный слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смер-
тельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ; но ежели можно осмѣ-
литься сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Обратимся къ такъ называемой исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли при вступлениі въ управлениѣ оною столицею Князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еронкина, которой былъ человѣкъ разумной, богообразливой и самыхъ честныхъ правиль, а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія.

Портрета Князя Прозоровскаго писать я не буду, для того, чтобы не дать какъ ни будь пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно было противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секрѣтѣ и, конечно, не воображалъ, чтобы я могъ когда ни будь ихъ читать.

Напрасно, однако жъ, думаютъ, чтобы Князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при Дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго со временемъ возвышенія своей фортуны, а Князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли, какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно, онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ея роздаю, что едавали не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій, и даже, какъ я слышалъ отъ людей, весьма вѣроятія достойныхъ, навлекаю въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая тутъ и типографію, которая была нѣкогда подъ моимъ именемъ, и тогда

давно уже не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ не безопаснымъ для общественного покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстатѣ о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобы нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ; однако такими средствами устройства, чтобы, во первыхъ, не было ихъ, естьли то можно, и наконецъ, чтобы ихъ переведя, не сдѣлать вдвое нещастныхъ, то есть, чтобы не лишать людей сихъ единственного способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? Какая можетъ быть въ томъ ошибка, что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше, терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу, то каково должно это быть душѣ того, кто откажеть, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія?

И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкою досадою по тому, что просящій милостынїи покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживъ ему, и себя какъ бы наказывавъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Что! Развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее выпить?

Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынїи никакъ не щитаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ скотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Быдучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались—и любовался его о томъ радостью.

Но съ того времени, какъ я, по щастію, узналъ, въ чёмъ состоить истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія для угоженія источнику любви, которой повелѣлъ: *просящему давать*. Пон-

мошь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія и для Бога, особенно воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоить все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположениіи милостиныя всегда бываетъ полезна дающему, естьли бѣ она и не нужна была тому, кому подается, какъ, напротивъ, благодѣяніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, ни сколько не приносить благословенія благодѣтелю, и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣка.

Но Князь Прозоровскій отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостины казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько, уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ нась расположенія, но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791 года Князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки, прїѣзжалъ въ Москву съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ для того, чтобы произвести надъ нами слѣдствіе, съ указомъ о томъ Князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Вручение указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ Князю Безбородку. Однако онъ подлинно погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая, и не отдававъ указа Князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самого послѣдняго, при сѣтованіи за то на Князя Безбородка.

Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкостердечью своему и можетъ быть по некоторымъ личнымъуваженіямъ дворскимъ. Впрочемъ, онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною (въ 1794 году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ некоторымъ присмотромъ, что дѣло сіе не соотвѣтственно ея славѣ.

Но не могъ онъ, или не имѣлъ довольно твердости, не исполнить сдѣланного ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его и такую, которая на нѣсколько мѣся-

цевъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги, и что чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованию. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я разскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчанія съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправданья. Сіе особенно полезно для вниманія судей въ дѣлахъ уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новые комнаты, хотѣлъ я очистить свои буру, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, драли и жегъ самыя ненужныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до прїѣзда Князя Безбородка и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особенно обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ; шпіонство, окружавшее нась, о семъ донесло. Князь Прозоровскій принялъ это по своему, а Безбородко узнавъ, обращался этому случаю, по своимъ же видамъ, и совсѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того: и вотъ какъ сперва свѣдалъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отѣзда Князя Безбородка, разговаривая на единѣ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоиться отъ напрасныхъ на него подозрѣній, что самой обыкновенной, только опытной взоръ полицейской увидѣть это можетъ, что дѣствія наши явныя, и по нихъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей; стоять только изслѣдоввать образъ мыслей, которой мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ. Конечно, на каждой страницѣ, естьли не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ найдете вы поученіе, что надо истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ него поставленнымъ и тому подобное. Что можно не понимая, или не любя такихъ правиль, ихъ охуждать; но не сходно съ разсудкомъ, внушающихъ такія правила подозрѣвать въ замыслахъ

мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами; но такъ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ, было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя; что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество, и увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно нечаянно схватить наши бумаги.

При семъ-то Графъ, которой меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ большої близости своей тогдашней къ Двору многое зналъ, и во многомъ скрытно участвовалъ, и при семъ дѣлѣ сказалъ мнѣ: Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сожжешь? — Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ? — Да ты первой, отвѣчай онъ мнѣ, сжегъ, предъ прїездомъ сюда Безбородка съ Архаровыми.

Я истинно даже и забылъ, что жегъ бумаги, какъ описывалъ выше, и долго увѣрялъ его, что этого не бывало, но онъ рассказалъ мнѣ даже почти часы тѣ и положеніе мѣста. Я вспомнилъ и рассказалъ ему, что такое подлинно было, и что совсѣмъ напротивъ; что я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако, онъ, при всей любви своей ко мнѣ и отлично хорошошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ, и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ, какъ откровенность коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего незначущее, дѣйствие, важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ, въ Апрѣль 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпремлемое пораженіе нашего общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, и онъ изъ подъ Московной взятъ быть подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій Князю Прозоровскому, который ему рассказывалъ о важности ареста Новикова и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ: «Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ старичонку, скор-

ченного гемороидами, взялъ подъ карауль; да одного бы десятка, или будошника, за нимъ послать, такъ бы и притащилъ его».

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ Князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому, де, что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ Генералъ Губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ, а извѣстной Шешковской ъздилъ его допрашивать въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило: и вдругъ Князь Прозоровской получилъ секретной имянной указъ, чтобы Князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить, по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житѣе въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мы отправимся.

Тургенева тогда не было въ Москвѣ. Послѣ очень скораго окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же

Прозоровской меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнѣемъ за мною его Генеральсъ-Адъютантомъ, которой крайне удивляясь моему спокойству, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія; ибо оно подлинно, при невинности, естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжелѣ. При чувствахъ совѣсти вина, конечно, тяжелѣ казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, которой тогда имѣлъ уже около девяноста лѣтъ и, лишенный зрѣнія, былъ въ крайней слабости тѣла, кроме головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Князь Прозоровской приступил къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣлью его Сиятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему позволено было, естьли бѣ открылось что ни будь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои вѣрно отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предъубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобы мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости, Князь Прозоровской призвалъ къ себѣ въ Петровской подъѣздной дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ, и гдѣ все сіе происходило, Оберъ-Полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ осо-бую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ Князь объ Оберъ-Полицмейстерѣ, которой, въ ожиданіи приказа, просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ. Забыли, или не смѣли къ нему ихъ внести, а это дѣла-лось уже въ Августѣ. Князь противъ чаянія своего не нашелъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній Оберъ-Полиц-мейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, кото-рыхъ непристойно пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ Княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе Князя сего къ допросу было предлиинное, гораздо высока и жестко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣть отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то, я ду-маю, ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣтывать.—Очень хорошо, говорилъ онъ, спра-шивая меня, самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать Секретаря, и весьма уже смягчился.—Я бы желалъ самъ писать, ежели можно, сказалъ я, но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ мнѣ: ибо мнѣ приказано прислать отвѣты Ваши въ чернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся. — И под-линно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ на одинѣ, въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей съ золотымъ обрѣ-

зомъ приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очищенными перьями. Онъ давалъ мнѣ на особливыхъ листахъ списанные пунктъ за пунктомъ такъ, чтобы отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктовъ было, помнится, осьмнадцать, а въ отвѣты на нихъ изписалъ я кругомъ 20 листовъ, и безъ одной по-марки; въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, по-ставя тѣ, которая мнѣ казались складнѣе. Сего, конечно, при всемъ самолюбіи, нельзѧ мнѣ приписать моему искусству, или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня из-волила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на по-дозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для разширенія завѣсы.

Въ четвертомъ, или пятомъ, пунктѣ началась эта матерія, и Князь Прозоровской, отдавая мнѣ его дрожащею, правда не множко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что Вы на это скажете?» — «О! на это отвѣтить всего легче», сказалъ я, и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровской, прочитавъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Что жъ, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у Васъ?» — «Да какъ же быть-то, не было,» — холодно я отвѣчалъ ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій за тѣмъ пунктъ, и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошель отъ меня такъ далеко, что думалъ, не могу слышать, говорить про себя: «Не такъ бы съ ними надобно.» — Подходя ближе ко мнѣ, говорить будто про себя, однако такъ, чтобы я слышалъ: «Теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести.» — «Призываюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня, не для того, чтобы я боялся очной ставки съ Новиковымъ, которой, конечно, так-же невиненъ былъ, какъ и я; но, представивъ себѣ, что его привез-ли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ Тайной Експедиціи, изнуренного, обросшаго бородою, можетъ быть, окован-наго, прискорбно было ожидать такого тутъ свиданья съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ стратагемъ Князь Прозоровской, подошедшъ къ буру, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говорить мнѣ: «Новиковъ-то вить во всемъ признался». — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я ему; «я думаю, что Новиковъ также невиноватъ; а естьли въ чёмъ виноватъ, то, конечно, признался: онъ не дуракъ и боится Бога.»

«Однако, говорилъ мнѣ Князь Прозоровской, съ Французами-то вы имѣли переписку?» — «Кто?» спросилъ я. — «Вы, и имянно, Вы, сирѣчъ, ты.» — «Имѣль», отвѣчалъ я. Обрадовался мой Князь, и съ веселымъ вдругъ лицемъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: «Это хорошо, что Вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чёмъ же и когда Вы къ нимъ писывали?» — «Не упомнишь,» отвѣчалъ я, «всего, о чёмъ и когда.» — «Однако, сколько можешь вспомнить?» — «Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобы прислатъ табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.» — «Вы шутите», осердясь, говорилъ мнѣ Князь. «Къ какимъ же Французамъ Вы писывали это?» — «Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?» — «Нѣть, Вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.» — «А Ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобы я съ ними переписывался?» говорилъ онъ. — «Такъ знайте жъ,» сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству я никакъ Вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!»

Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: «Что жъ ты эдакъ на меня нападаешь: вить не я, Государыня обѣ этомъ тебя спрашиваетъ!» — «Гдѣ же этотъ вопросъ?» — «Вотъ будетъ.» — «А я буду отвѣчать.» — «Что жъ отвѣтъ будешь, скажи, пожалуй?» — «Тогда увидите.» — «Лучше, скажи, пожалуй, прежде, такъ, можетъ быть, мы и посовѣтуемся», и очень прилежно уговаривалъ меня расказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. — «Скажу Вамъ только,» отвѣчалъ я, «что ежели Государыня изволить меня обѣ этомъ спрашивать, то я, конечно, въ отвѣтъ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серіознѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета».

Я продолжалъ писать отвѣты, и ни въ одномъ пункѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ Князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему, конечно, никогда славы.» — Да,» говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣть такого вопроса, но мнѣ поручено спрашивать, о чёмъ я разсужу, естьли бѣ

того и не было въ тѣхъ пунктахъ.» — «Такъ Ваше Сіятельство очень несправедливо разсудить изволили,» отвѣчалъ я ему; «и еще Вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни Вамъ, никому; а образъ спрашиванья Вашего не-оспоримо открываетъ личное недоброжелательство.» Замолчалъ, однако, Князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною Князя Прозоровскаго; все же описывать было бы слишкомъ пространно и невесьма интересно. Но описываю точно, какъ было, и какъ самъ онъ, конечно, признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ, вѣроятно, стратагемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная. *

Еще одно обстоятельство отмѣнно характеристическое съ его стороны при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи secta подъ именемъ Иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная Христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правиль, и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему приложно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правлениі общества нашего сочинялъ я.

Во время допроса Князь Прозоровской говорить мнѣ, что мы Иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, да мы ихъ непріятели, и, зная всю вредность этой секты, постановили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чemu и планъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему, хотя сейчасъ черной, писанный моей рукою. «Очень хорошо,» сказалъ онъ, «завтра привезите!» Привезъ я завтра. Это было въ другой день моей съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, Князь мнѣ ее возвращаетъ, говоря, что она «ничего не значитъ.» — «Она только то значитъ, что мы не Иллюминаты,» отвѣчалъ я; «такъ прошу принять ее въ оправданіе.» — «Пусть вы не они,» говорилъ мнѣ Прозоровской, «да все тоже. Уже какъ скоро это доказывается, что мы не Иллюминаты, какими насы считаютъ, то естественно доказывается и ложность заключенія обѣ насы; слѣдовательно, и оправдывается, говорилъ я; но есть-

* 1 Генваря, 1809 года.

ли бѣ это мнѣ и казалось только оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насть. «Не приму», отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ найстрожайшей казни за сокрытие хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровской не принялъ отъ меня той бумаги, потому что, съ расположениемъ своимъ, могъ бы ее принять особо, и утаить; а то я подумалъ про себя: «Принужу тебя, Князь, принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже не льзя будетъ тебѣ скрыть ее.» Замолчавъ обѣ ней, спрашивалъ я его: «какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги? Ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реестра въ скоромъ времени сдѣлать не могу.»

«Да это и не нужно,» говорилъ онъ мнѣ, «а Вы ихъ привезите послѣ; только всѣ и за Вашею печатью.»

На другой день поутру привезъ я ихъ къ нему безъ разбору, запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту неугодную ему бумагу, прошилъ особо ее принять. «Я уже Вамъ сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и никакъ отнюдь не приму,» и, оборотясь къ случившемуся тутъ по тому же дѣлу, Князю Н. Н. Трубецкому, говорить ему: «Помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?» Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ къ Прозоровскому: «За что такъ особливо не нравится эта бумага Вашему Сіятельству?» — «Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ. «Такъ позвольте же сказать,» продолжалъ я, «Вы должны ее принять, какая бѣ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а Вы обязаны принять.»

Одумался Князь, и съ нѣкоторою торопостію принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: «Извольте, я ее приму, естьли то Вамъ не премѣнно надоно.» Когда онъ принялъ, то я просилъ его позволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я, въ исполненіе требованія, отдалъ ему всѣ бумаги. «За чѣмъ же?» говорилъ онъ: «Государыня мнѣ и безъ того вѣрить?» — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я, «но признаюсь, что я

немножко педантъ, и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку. — «Пожалуйте, позвольте!» Онъ вынуль изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ, и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги, и въ какой формѣ. О врученіи же ему спорной оной описалъ особо; представя обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дни, въ которые отдыку мнѣ было только, что въ первой Ѣзидѣ ночевать домой, а въ другой обѣдалъ у Князя Прозоровскаго, и обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ Княгини, хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ находились; ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и мы со лбу на лобъ съ Княземъ Прозоровскимъ бесѣдовали въ немъ по крайней мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною ближайшую къ престолу особою, и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ Берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ Дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что хотя, по вступлениіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейгскому, но известно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ; по обрядамъ известнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда титуллярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я обѣ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики; но когда узнали мы о холодности между Дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованиемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ быль.

Спрашивали, на примѣръ: гдѣ собирались? для чего скрытно отъ полиціи? обѣ обрядахъ; о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя и тому подобное.

На все отвѣчалъ я со всею искренностію и очень подробно. Ни-гдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя, ни общества. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и упражненій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что не можно правосудію почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка въ разѣздѣ и проч.

Заключилъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни въ слѣдующихъ словахъ:

«Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не скрылъ и проч.

«Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшего къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозревалъ хотя одну тѣнь криминального. Свидѣтель сему Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе.

«Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня: ибо я не дерзаю и усомниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ, и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все изчезнетъ отъ единаго воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣданіе. И такъ не слезами страха и ропота печатлю его, но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою, и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

Твой

вѣрный по гробъ подданный

И. Лопухинъ.

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо была самая тяжкая работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ — обливался, можно сказать, слезами, и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Князь Прозоровской, любитель и любимецъ жестокосердой Беллоны, не короткое, кажется, имѣя знакомство съ такими слезами, не видавъ, что я пишу, а вида только, что плачу, обрадовался, подумавъ, что я наконецъ струсили, и началъ меня успокаивать: «Укрѣпitezь! Чего вы робѣете?» — «Нѣть, отвѣчалъ я, робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нея.» — «Отъ чего же?» — «Увидите изъ того, что я пишу.»

Окончивъ, подалъ я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: *буде существуетъ какая на меня клевета*, то, измѣнясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: «Ежели Вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.» — «Нѣть, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ я: писавши это, я истинно на Васъ не мѣтиль, какъ и то правда, что ожидалъ, что возмете Вы это на свой счетъ.» Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

«Почему жъ ожидали Вы того?» спрашивалъ онъ меня. — «Какъ чистосердечно увѣряю, отвѣчалъ я, что не цѣлилъ я на Васъ, писавши о клеветѣ; также признаюсь, что считаю Васъ большимъ мнѣ непріятелемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.» Тутъ я говорилъ ему о томъ, какие онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутывать и проч.

Сія сцена была послѣдняя нашихъ допросовъ. Быть при ней и Князь Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною, Князь Прозоровской объявилъ намъ указъ сей, коимъ решалось все вообще дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія, и показавъ намъ подпись на немъ Государыни. Всего же содержанія не читалъ. Мнѣ оное случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ, и признаюсь, что читалъ съ превеликимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и тѣни

во мнѣ не было. Можно поистинѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для распещренія покрова обвиненія невинности.

Князь Прозоровской, по снисхожденію къ товарищу моему, Князю Трубецкому, и потому, что онъ находился тогда при должности въ казначействѣ, о здачѣ коей ничего не было предписано при указѣ о ссылкѣ, которой шелъ по Тайной Экспедиціи, даъ ему десять дней времени прожить здѣсь для распоряженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправить съ нашими отвѣтами, и при томъ спросится о смынѣ Князя Трубецкаго. А мнѣ сказали: «Вы, вить, не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.» — «Очень бы скоро могъ выѣхать,» отвѣчалъ я, «если бъ не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ; одиннадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно.» Князь Прозоровской позволилъ мнѣ пробыть въ Москвѣ десять же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ. Но писавъ мои отвѣты, и особенно ихъ заключеніе, я точно ожидалъ, по какому-то неизѣяснимому предчувствію, что Государыня, прочитавъ ихъ, перемѣнить свои мысли; хотя Она уже рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались; ибо осужденіе уже было сдѣлано. Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобы неѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно; не ставилъ ее себѣ въ бѣзчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи, и въ иные минуты даже радовался ею, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцемъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощіи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтаніемъ этой отмѣны и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленного съ нашими отвѣтами, располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ по прочтенію отвѣтовъ, или, никогда. Князь Прозоровской, посыпая отвѣты мои и Князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посыпаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ (это были точныя

его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ), что Князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія, а я все скрываю, упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня подлинно еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя, по пріязни, Графы Орловы (Алексѣй и Феодоръ). Я хотѣлъ, чтобы объявление то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая перемѣны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думаетъ онъ, на этомъ пункѣ. Можно ли, чтобы Государыня отмѣнила указъ, Ею подписаный и объявленный: этого не дѣлала Она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. «Я коротко Ее знаю,» говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ одиннадцатой по объявлениіи указа и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращается. Князь Прозоровской торопить меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я Графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они прїѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что, я думаю, не мучительные были бы они для меня на эшафотѣ. При всей беспредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отѣзду у меня уже было готово; подорожная взята. Вѣчеру привели почтовыхъ съ тѣмъ, чтобы на завтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12 по полудни прислалъ за мною Князь Прозоровской и объявилъ полученный имъ имянный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты и, въ слѣдствіе того, повелѣваетъ: о Князѣ Трубецкомъ исполнить точно по данному прежде обѣ нась указу; должностъ же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василія Степановича Попова, которой читаль ихъ предъ нею также въ слезахъ. Тогда не зналъ онъ меня и въ лице, а гораздо послѣ, познакомясь, рассказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ, противъ меня, отъ нѣкоторыхъ, ополченіяхъ, и злыхъ и смѣшныхъ,

коихъ я не хочу описывать, чтобы не черниться Ѳдкостью. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: «Помни, какъ я плакаль, читавши Ваши отвѣты предъ растроганною Императрицею.»

Государыня, съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ, какъ извѣстно, особливую твердость поддерживать основательность своихъ повѣрѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно, можетъ быть, во все Ея царство однажды случившейся, отмѣнилъ ея указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлого отца моего, хотя она знала о его состояніи, и подписывая указъ о моей ссылкѣ, и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ ея противъ меня предъубѣжденія. Я очень Ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то, чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшило отца моего, и меня для него. Онъ, конечно бы, и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило, если бы курьеръ, которой отвозилъ наши отвѣты, сутки двое лишнихъ не бывъдержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ, и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобы я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная — невинность, и одинъ вѣрный ея покровитель.

И такъ, я остался въ Москвѣ. К. Н. П. Трубецкой и И. И. Тургеневъ отиравились на житѣе въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, студенты: Колокольниковъ и Невзоровъ * оставлены также подъ тайною стражею.

* Они Ѳздили въ чужie краи на моемъ издаченіи обучаться Медицинѣ и, когда кончивъ ученье и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то, по подозрѣнію на общество наше, взяты были въ Ригѣ и по Тайной Экспедиціи привезены въ Невскій монастырь, оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость, а наконецъ въ Секретную больницу, где Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ Императоромъ Павломъ I съ милостью; пынѣ служить онъ въ Московскому Университету Надворнымъ Совѣтникомъ и особливо извѣстенъ по изданію преполезнаго журнала подъ именемъ *Друга юношества*, которой издастъ онъ

Домы Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено и все почти изчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами Типографической компаніи, нанесло оное крайнєе убытки, и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ. Но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издережкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ всѣ Русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ продажѣ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796 года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ, любимымъ своимъ чтеніемъ *, знакомствомъ съ малымъ числомъ добрыхъ друзей и про-

единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Максима Ивановича Невзорова съ извѣстнымъ покойникомъ, Степаномъ Ивановичемъ Шешковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того, чтобы его разсказать. Невзоровъ быть болѣгъ и не могъ отвѣтить, да и нечего отвѣтить было, а Шешковский думалъ, что онъ упрямится и таинъ что важное. — «Знаешь ли, гдѣ ты?» говорить ему Шешковскій. Невзоровъ: «Не знаю.» — Ш. «Какъ не знаешь? Ты въ Тайной. — Н. «Не знаю, что такое Тайна. Пожалуй, схватя, и въ тѣсъ завезутъ въ какой инбуль станть, да скажутъ, что это Тайна, и допрашивать станутъ.» — Ш. «Государыня приказала тебя бить четвертымъ полѣтомъ, коли не будешь отвѣтить.» — Н. «Не вѣрю, чтобы это приказала Государыня, которая написала Наказъ Комиссіи о сочиненіи Уложенія». — Шешковскій вышелъ съ досадою, и послѣ прінесъ записку руки Государыни, кою повѣрѣвалъ она Невзорову отвѣтить. Я не знаю, говорилъ Невзоровъ, руки Ея Величества; можетъ быть Вы заставили написать жену свою, да какжете мнѣ ся руку вмѣсто Государыниной. — Ш. «Да знаешь ли, кто я?» — Н. «И того не знаю.» — Ш. «Я Шешковскій.» — Н. «Слыхалъ я про Шешковскаго, а Вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету, и по его Уставу долженъ отвѣтить не иначе, какъ при депутатѣ Университетскомъ, и проч. Наконецъ принуждены были отвести Невзорова для допроса къ самому первому Куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣтить, какъ и не о чёмъ было бы спрашивать.

* Упражнялся я также, по охотѣ моей къ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашель было на меня духъ поэзіи и я, совсѣмъ не зная ея правиль и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть

гулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ сохраненію здоровья и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ уже я выше писалъ, не бездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественного покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ, и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ, убѣдительно мнѣ советовали оставить привычку мою къ ходѣбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность, хотя и безвинно. Я имъ, смѣючись, отвѣчалъ, что не оставлю, и по причинѣ самой основательной. Вѣдь никто изъ смертныхъ говорилъ я, не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, чего, вѣроятно, и не случится; а ежели я раззнакомлюсь съ ходѣбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скоро убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ Князь Прозоровской, я все окружень было подсмотрами, только, спасибо, онъ ихъ такъ чреждалъ, чтобы я не могъ обѣ нихъ и догадываться, а я не хотѣль обѣ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не беспокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ изъ любопытства только поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать, но въ ту же минуту жалѣя, что и ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе, и совсѣмъ забыть его не только приказывалъ, но просиль.

И такъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла ссылкою въ деревни моихъ товарищей, Князя Трубецкаго и Тургенева, и оставленіемъ меня въ Москвѣ, Правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію ли Князя Прозоровскаго, которой тогда, однако, ѻздилъ по губерніи и, возвратясь,увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угощеніе ему, или въ мнимое, далѣе не знаю.

псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: *Подражаніе некоторымъ письмамъ Давидовымъ*. Есть ли бѣ нѣчто не отвлекло меня тогда, отъ чего пітическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю псалтырь въ нѣсколько дней; такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова нашли одинъ реестръ, мною подписанной, коимъ требовалъ я, по оставшемуся мнѣ кредиту, при разсчетѣ съ бывшою у насъ Типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ на семъ съ копѣйками запрещенныхъ. Сie случилось слѣдующимъ образомъ:

Былъ въ Орлѣ священникъ Иоаннъ, которой и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличного уваженія, по его примѣрной благодѣтельности. Стараніями Христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, которая отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гриненъ отъ рубля. Сie дѣлалось нѣсколько лѣтъ и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я, не читая его, подпишу: «Отпустить по сему реестру, на столько-то рублей книгъ на мой счетъ». Не имѣлъ я и никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцемъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязаннымъ знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявляемо не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами въ наряженное надѣкнигопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ Уѣзднаго, Надворнаго и Магистрата. Вдругъ мнѣ повѣстка, чтобы я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792 году, 17 Сентября. День былъ прекрасной и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ, заботился только, какъ бы успѣть воротиться домой къ батюшкѣ, которой тотъ день пускаль кровь, при чемъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣль, что они сами очень нерады своей комиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я ужа старался облегчить ихъ и, не смотря на то, что у нихъ даже и никакой надлежащей формы постановлено не было, взялъ бумаги и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началь его тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла. И подлинно, привязавшись къ этому обстоятельству, говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ

въ продажѣ и печатаніи книгъ и проч., словомъ, о всѣхъ видѣніяхъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой, и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его, говорили: «Что жъ дѣлать? Онъ уже все рѣшилъ самъ.»

Однако, въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то жаловать ся Ей на такое притѣсненіе, описавъ всю его наглость.

На другой, или на третій, день послѣ того Князь Прозоровской, возвратясь въ Москву 22 числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу. Послѣ обѣда изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него обезпокоили, и что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и по журилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперь радъ былъ слушаю публично написать то, что я написалъ; но ежели еще хотя мало коснутся до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и показалъ ему, заготовленное въ чернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, уверяя, что уже больше ни малаго беспокойства я не потерплю.

Между тѣмъ, однако жъ, дѣло производилось, хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда, по обыкновенному порядку, пришло на ревизію Уголовной Палаты, то Князь Прозоровской настаивалъ, чтобы непремѣнно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинить меня ни какъ не можно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенные книги, въ чемъ по законамъ виновны тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что, наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился Князь Прозоровской, выгналъ судью, однако послѣ велѣлъ оставить ревизію, чтобы, по крайней мѣрѣ, не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и Предсѣдателемъ Уголовной Палаты, и подъ судомъ ея, быть подъ судомъ Тайной Экспедиціи и всѣ дѣла ея имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о которой опишу я въ слѣдующей книгѣ.

ЧИТАГА ЧЕТВЕРТАЯ.

6 Ноября, 1796 года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь къ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для нея пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, кою столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скіпетра самодержавія, при которой, однако, въ превосходномъ степени умѣла Она содѣржать подданныхъ въ страхѣ къ Ней, безъ робости, и въ ободрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недремлющемъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякой, однако, ме-чталь иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлію имѣли благоустройство и на человѣкоубійства основаны были. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея бессмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей человѣчеству. Она первая отринула сию, звѣрской паче, лютость, тиранствомъ изобрѣтеннуу и, къ стыду, просвѣщенными слывущихъ, Государствъ, столь многіе вѣки бесплодно терзавшую въ нихъ человѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія, * то сіе дѣйствіе небезгрѣшности, общей и царямъ со-

* Прому читателя не подумать, что сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ суду, по Тайной Экспедиціи наю мною и надъ бывшимъ Обществомъ нашимъ. Нѣтъ! Свидѣтель тому Сердцевѣдѣцъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія.

Мы конечно невинны были, но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ Нее предъубѣжденію, отъ которого кто же изъ смертныхъ всегда изѣбѣжать можетъ, и какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ Царскихъ очей истина, Всевилящему одному всегда известная? И такъ, разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные, по справедливости должно признаться, что судъ

всѣми смертными, въ высочайшемъ степени покрывается неизмѣннымъ Ея синехожденіемъ и умѣренностью въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась Она прелестнѣйшимъ Государей правомъ укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ, Екатерина была примѣръ Великихъ Государей, и царство ея было самое благотворное для Россіи. Кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбію, особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи, и еще кромѣ нѣкоего попущенія роскоши, которое почитала она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизѣрочно разслабляющая его вообще, и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня чрезъ три послѣ первого въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего, Сергѣя Ивановича Плещеева, письмо, въ которомъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ, при недосугахъ, диктовалъ его, а въ концѣ своею рукою только приписалъ: «Если Вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему Вашему другу, Плещееву.»

Предложеніе его несказанно смутило меня; мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось въ службу. Успокоивался я нѣсколько

иадъ нами Екатерины былъ весьма милостырой: а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойнага.

Я слышалъ отъ самого Князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему: «Для чего не арестуетъ онъ Новикова? — «Тотчасъ, если только приказатъ изволите», отвѣчалъ всегда Князь. — «Нѣть, надобно прежде найти причину», всегда отзывалась Самодержица, предъубѣжденнага гнѣвомъ. Кто же былъ Новиковъ? Содержатель Типографіи, Поручикъ етатской, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобного состоянія. Но на прим. въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита, Арсенія, въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвѣ подвигнута. Сие дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, гдѣ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана, за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступить безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобы не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, естыли бъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминаній. Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного знакомаго мнѣ случая, а курьеровъ тогда по нѣсколько изъ Москвы скакало всякой день. Я просилъ, чтобы материю о службѣ моей оставить, по крайней мѣрѣ, до личнаго свиданія въ Москвѣ, во время приѣзду въ нее Двора для коронаціи.

Между тѣмъ сообщалъ я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности мысли мои о разныхъ предметахъ государственного правленія и о многихъ, столь быстро, ежедневно дѣляемыхъ, перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я, въ самомъ пламенномъ усердіи къ нему и отечеству много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковыми же и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма, но, по щастью, время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеніе и сильнѣе еще собирался я писать съ отправлявшимся въ Петербургъ, по Государеву повелѣнію, тогдашнѣмъ, церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей, по истинѣ, великой въ званіи своемъ мужъ, коего сочиненія весьма извѣстныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской Церкви могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, первого Епископа Воронежскаго, былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самого студенческаго его состоянія, и дружбу его, 25 лѣтъ продолжающуюся, считаю я лестною для себя честью.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25 Ноября по утру, но наканунѣ, поздно въ вечеру, между прочими, съ почты, письмами, получилъ я, въ письмѣ Григорья Григорьевича Кушелева, бывшаго тогда Генераль-Адъютантомъ, имянное повелѣніе: «Хать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Ку-

шелева дни два пролежало въ Москвѣ на почтѣ, потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходить, а ходили за письмами деревенскими изъ Орла и отъ некоторыхъ пріятелей, жившихъ въ семъ городѣ, съ которыми и Кушелева письма принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобы никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые близайшіе при немъ друзья мои, Сергій Ивановичъ Плещеевъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго также, въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни, имѣть я счастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знаяшимъ его безпристрастно. Что же касается до Князя Репнина, то онъ, конечно, былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному геройству съ восторгомъ удивленія читаются въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Естыли бъ мои правила давали мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кроме слѣдующей: *Онъ другъ былъ Репнина.*

Чрезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по Французски: «Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ, И. В., скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ.» Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ Княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливой довѣренности, когда Онъ еще былъ наследникомъ престола; и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всякихъ политическихъ видовъ, но она то была наиболѣе причиной отмѣнаго на меня устремленія, при произшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 году, которое, однако жъ, тѣмъ чудеснѣе такъ легко, въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрию Прокофьевичу Трошинскому, которой тогда быть Статьѣ-Секретаремъ, отписать ко мнѣ

съ курьеромъ, чтобы я скорѣе прїѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству, при чёмъ угодно было Государю приказать, написать ко мнѣ, что отъ него самаго узнаю я о томъ употребленіи, къ коему онъ меня назначать изволить, по отличному его ко мнѣ благоволенію и по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ.

Чрезъ пять дней послѣ получения первого указа отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, которой тогда уже не вставалъ съ постели и почти ежечасно требовалъ моей помощи, сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только не радовался онъ моей, такъ называемой, фортуны, но съ начала досадовалъ на меня, подумавъ, что я самъ ее проискывалъ. Я успокаивалъ его, лаская надеждою скораго возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась во мнѣ чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого Двора.

4 Декабря 1796 года предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ, и такой имѣль дарь приласкатъ, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я свободенъ при первомъ свиданіи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергій Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовавъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣль былъ предъ нимъ, и никогда ни сколько Его не робѣль, даже во время самой Его холоданости ко мнѣ, о которой опишу въ своеемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпрѣмѣнно соединились все противные одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва Его никогда, однако жъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремлениемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предъубѣженіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравѣ Его дѣлало, конечно, то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ, и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ Онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для

Государства, естьли бъ окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти.

Первой разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ, Платонѣ, на которого Онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ, по Его призыву, не только отмѣнно милостивому, но, можно сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ нему пріѣхать, и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ Государь спрашивалъ меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьи? Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны. Но приемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по моему мнѣнію, употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными; l'habit ne fait pas le moine (платье монахомъ не дѣлаетъ) прибавилъ я. «Правда твоя», сказаъ Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ, нескажанно милостивомъ, со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣль счастіе много помочь къ умилостивленію Государя. Кончилось, тѣмъ что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну, видно, ты прямо любишь Платона; и естьли такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ!»

Тотъ же день писаъ я все это къ Митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по его же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода указъ, о коемъ опредѣленіе члены подписывали въ день праздничный, въ олтарѣ придворной церкви, въ самое время совершенія литургіи, отъ чего онъ занемогъ и не смѣль уже ѿхать. Увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было иныхъ чувствъ, кроме искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу и пастырю, рѣдкимъ благоразумiemъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ, при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ, Гавріломъ, сказалъ ему: «Пожалуйте,

оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него! Мы и такъ пересолили.»

5 Декабря выносили въ Петропавловской соборѣ тѣла Императора Петра III и преставившейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при Немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ и при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись Статсъ-Секретари.

Въ вечеру того же дня Государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ Генераль-Прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Експедиції, кроме повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи; а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей Експедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, дававшаго сіе повелѣніе, точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно, всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько же и самою справедливостью; ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, и для удержанія примѣромъ симъ другихъ отъ преступлений подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнѣтать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждаются на заключеніе подъ стражу тайную, было бы единственно презрѣніе человѣчества, или месть нетерпимая не только правилами Христіанства, но и самаго величодушія.

Милость и довѣренность Государевы ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простидалось, что онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ, по моей должности, только въ послѣбѣденные часы для того, что, по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело было рано по утру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ пріѣзовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыхъ тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при Дворахъ бываетъ. Всего больше непріятнымъ для нѣкоторыхъ меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобы извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по Тайной Експедиції; чтобы всегда открыть былъ мнѣ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи, и чтобы я могъ, когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генераль-Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и мою дружбою съ Княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинскимъ, два раза самимъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня отказаться отъ оной должности. Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой прозьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно бы еще радоваться товарищамъ. Не уже ли, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость?

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворѣ успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая:

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу обѣ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемся еще при жизни Императрицы; остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участъ, одного изъ осужденныхъ иностранца, котораго имя я забылъ. «Меня обѣ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ,» сказалъ мнѣ Государь, «а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посыпавъ арестантовъ по должностіи Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго, изъ короткой записки о семъ дѣлѣ, увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими и къ одинакому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ спрѣвился, посланъ уже былъ указъ къ второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ

одного изключить, или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудие съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше казалось мнѣ, естьли нельзѧ всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ, приговоренныхъ на содержаніе въ Смирительномъ Домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде и сіе сдѣлать, естьли угодно Государю, скрытнѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ Наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и Княземъ Безбородко. Скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самимъ кабинетомъ и, подошедъ, ко мнѣ, спрашивается тихонько: «Что я сдѣлалъ?» — Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ — «Какъ же, сказалъ Государь, всѣхъ! Они виноваты!» — «Да онъ виноватъ,» отвѣчалъ я. Государь, подошедъ къ Безбородкѣ, и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородко, Государь, оборотясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Что жъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владимировичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ.» Я подошелъ; Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говорить, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню, какого только мастерства), на житѣе въ бывшій городъ Воскресенскъ Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря.» — «А прочихъ то,» докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда же?» — «Въ ссылку, по приговору,» отвѣчалъ Государь. — «Воля ваша,» сказалъ я, «только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ.» — «Да онъ же почти и невиноватъ,» выговорилъ притомъ Князь Безбородко. — «Какъ же,» говорилъ я, «невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь его подписать дали?» На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ: «Полно, братецъ, перестань!»

Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько же съ Безбородко, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, что жъ ты думаешь сдѣлать?» — «Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказатъ изволите, а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушиемъ. «Нѣтъ», сказалъ Государь, «эдакъ нельзѧ: я прикажу Архарову.»

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я

при Дворѣ. Однако послѣ ея Государь ни сколько еще не отмѣнилъ своего милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательнаго при семъ надобно сказать. Въ комнатѣ, гдѣ оное происходило, были только Императоръ, Наслѣдникъ, Князь Безбородко, человѣка два изъ самыхъ близкихъ при Государѣ и я, да первой Государевъ камердинеръ стоялъ у дверей. Не больше, конечно, какъ черезъ полчаса послѣ оной сцены я поѣхалъ домой, а назавтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говорить мнѣ: «Что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчера сказываютъ. Вѣдь бѣда будетъ!» — «Отъ кого онъ это слышалъ? спрашивалъ я.» — «Отъ бывшаго за мной лакея.» — «А онъ отъ кого?» — «Отъ придворнаго.»

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ Княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ, и тѣмъ больше, что основанію ея предполагали они правила столько же твердая, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представлению, приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ, Захаромъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ, человѣкомъ, исполненнымъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орле Вице-Губернаторомъ, то заключеніе оное подкрѣпилось, и на языкѣ, часто при Дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партнѣю. Но у меня истинно того никогда и въ мысляхъ не было. Во всю бытность мою при Дворѣ одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ, гдѣ только мнѣ представится случай, соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще, и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно единому источнику милости непреложной.

Вотъ что, при посыпѣ за Карнѣевымъ, случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще и не думалъ представлять обѣ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ Секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ его всякой день спрашивалъ меня: «Послали ли за Карнѣевымъ?» не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ такихъ вопросовъ, самой этой любимицѣ, сидя со мною на канапѣ предъ Государевымъ кабинетомъ, фамиліарнымъ и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, просить меня еще въ откровенности

ему сказать, послали ли за Карнѣевымъ? Я увѣряю его, что нѣтъ, развѣ безъ меня, что нельзѧ и глупо было бы мнѣ таить это, и что, ежели чрезъ меня призываются будеть Карнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили этотъ разговоръ, Государь, не помню за чѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ, и я тутъ имѣль случай доложить о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ полезна быть можетъ. «Пошли жъ за нимъ,» сказалъ мнѣ Государь. Вышедъ изъ кабинета, написалъ я къ Генералу-Прокурору письмо, съ объясненіемъ воли Государевы о прїѣздѣ Карнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному приятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считать я за полезное быть Карнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливымъ Секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляющихъ частями или Министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большей части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно. Такой перевѣсь весьма бы, конечно, былъ полезенъ, особенно по дѣламъ Сената коего большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генерала-Прокурора. «Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сиятельства, или Свѣтлости,» только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Карнѣевъ прїѣхалъ въ Петербургъ. Все уже противъ него настроено было. Одинъ самой близкій при Государынѣ комнатной человѣкѣ, мнѣ рѣшительно сказалъ, что ни какъ его не допустятъ оставаться при Дворѣ. Государь откладывалъ его представление день за день, и Карнѣевъ первой разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статского Советника, которое опредѣленіе послѣдовало по многому старанію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человѣка доказываетъ, сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперь не знаю. Признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная, что я съ своей стороны не подаль ни какой. Вообще, кажется, можно вѣрно заключить, что главною причиной было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ, и которые ему

больше были надобны, нежели я. Особое свойство великодушія по-требно Государямъ, чтобы одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ ни какихъ препорученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его, былъ я очень спокойенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе, и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Попытавъ всегда притворство искусствомъ самимъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселья былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него, не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ добра желавшіе и которые больше знали нравъ Государя, не совѣтывали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что ни какъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ, и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же поражался бы увольненію моему отъ Двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказала я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. «Вы философъ,» говорилъ онъ мнѣ, «а Двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь Вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли Вамъ надобна, Государь тотъ-чай ее надѣнетъ на Васъ, чинъ также получите. Если же Вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ Вамъ угодно, то я берусь по подачѣ Вашего письма, вынести Вамъ на то указъ, и позволяю Вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню.»

«Нѣть,» отвѣчалъ я ему, «я не соглашусь на Ваше предложеніе, хотя и увѣренъ я въ его успѣхѣ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но правда, что люблю держаться правиль философскихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень знакомъ съ нимъ быть не могу, только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворные обстоятельства вижу я тонѣе Вашего. Я не искалъ быть при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня и принялъ съ от-

личною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ. Возвратится милость Его ко мнѣ, я буду очень радъ; продолжится гнѣвъ Его, все я не виновать буду. Уволить Онъ меня отъ себя съ милостью, я буду щастливъ, съ немилостью — несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и наградъ отъ Него, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ Его; и тогда-то, есть ли не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже, конечно, никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.»

Въ такомъ расположени продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ, и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его въ гнѣвѣ, или очень холодного ко мнѣ. Между тѣмъ я стараясь сыскывать хороший способъ удалиться отъ Двора. Вѣрный другъ мой, Сергій Иванович Плещеевъ, помогалъ мнѣ въ томъ, хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Государя. Однажды, воспользовавшись очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говорить Ему обо мнѣ и просить уволить меня, если я Ему неугоденъ, съ милостью. Государь отказалъ, сказавъ: «Полно, дайте время! Мы съ нимъ уживемся.» Но вотъ что надобно при семъ разсказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статьи-Секретаря былъ при мнѣ Коллежскій Съѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ, настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю: «А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать, опредѣлить ко мнѣ.» — «Такъ-то,» отвѣчалъ Государь съ жаромъ: «хорошъ же ты другъ Ивану-то Владимировичу! Его прочь для того, чтобы Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда,» и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнить обращеніе свое со мною на прежнее, однако оно нѣсколько не перемѣнилось. Странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяціевъ предъ кончиною Императрицы Екатерины II заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ моихъ, или послушниковъ монастырскихъ, которой предсказывалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время, какъ она случилась. При осво-

бождениі всѣхъ по Тайной Експедиціи, привезенъ быль и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита, Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь, переговоря въ своемъ кабинетѣ съ Митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвалъ къ себѣ Сергія Ивановича Плещеева и, отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ, и изтребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ, что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное Ему, только съ тѣмъ, чтобы Сергій Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе такое весьма возможно отъ сліянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣримой лѣствицѣ свѣта и глубокихъ впечатлѣній тѣмы. А потому не всякой, предсказатель и правды, самыи лучемъ свѣта открываемой, есть всегда святой, просвѣщенной, и сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудничеству и уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодной монастырь и къ такому Настоятелю, которой бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ, сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности, «только не имѣю я,» говорилъ онъ, «довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при особѣ Его.» Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя, но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того призывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобы я подалъ записку о томъ, чего хочу. Плещеевъ, зная меня, увѣрялъ, что я никакъ того не сдѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой Его волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ, повѣря Плещееву, что я доволенъ буду Сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня Тайнымъ Советникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сie происходило поутру 20 Генваря, 1797 года. Только что я проснулся, явился ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписанного уже обо мнѣ указа, присланною отъ моихъ товарищѣй, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною, однако также непріятно имъ было и такое скорое мое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлялись послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во Дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный, о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликуй...* однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда; что Государь теперь возвратился съ вахтѣ-парада очень невеселъ; а ему хотѣлось бы, чтобы Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что неизмѣнно изволить то сдѣлать, и съ милостью, только въ лучшій часъ. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя, напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему, что ни какъ я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя, впрочемъ, онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. «Нѣть, «отвѣчалъ онъ,» повѣрьте, что будеть такъ, какъ я говорю съ Вами; обѣ какомъ угодно закладѣ удасться, только прїѣзжайте послѣ обѣда.» — «Пробѣшь,» сказалъ я ему.

Прїѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Быть тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно, онъ только отворяя двери, называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ, или вошедши въ него, ту же минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ, дожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою, сперва тихонько, мнѣ сказалъ: «Вы правы;» а потомъ въ слухъ, при нѣсколькохъ тутъ бывшихъ: «Государь извиняется, что не можетъ Васъ принять въ кабинетѣ: онъ теперь занятъ письмомъ, и тотчасъ сюда выйдетъ.»

Чрезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ. Въ дверяхъ Онъ громко кашлянулъ, и когда я, ставъ на колѣно, поцѣловавъ у Него руку, то Онъ, поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: «Vous m'avez fait tousser, я отъ тебя закашлялся.» Что значили сіи слова, не знаю и по сie время, и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя не могъ мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое: и въ самое короткое время, въ часы почти, испыталъ я всѣ соблазны придворной жизни и, такъ называемаго, щастія временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть — идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчокъ ближнему — верхъ его.

КНИГА ПЯТАЯ.

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ и поконился продолженіемъ попеченій моихъ обѣ немъ, лежавшемъ уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ скончался онъ на рукахъ моихъ, и хотя онъ былъ девяноста двухъ лѣтъ и въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ, былъ я опредѣленъ въ 5 Департаментъ, что нынѣ 6 Уголовный, въ которомъ и тогда производились, по большей части, также уголовныя и слѣдственныя дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще, какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора, надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ Сенаторы, узнаваль отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить Сенаторомъ, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генералъ-Прокурору спросить меня, въ какомъ Департаментѣ я хочу я присутствовать?

Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ служилъ я и въ Уголовной Палатѣ. Большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ поощдѣя человѣчества, по причинѣ того нещастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самой строгой. Товарищей у меня было много. Собраніе Сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ Сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время Генераль-Губернаторовъ и правившихъ ихъ должностъ. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобы Государь услаждался жестокостью; что мнѣ очень извѣстно, что Онъ желаетъ только правосудія, и что я увѣренъ, что Ему пріятно будетъ даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участія судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но многое мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ

о томъ, въ какомъ точно отношениі находился ко мнѣ Государь при увольненіи меня отъ себя. Многіе и изъ самыхъ прозирателей въ Дворскую политику думали, что довѣренность Его ко мнѣ еще продолжается, что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ и, судя по нраву Государеву заключали, что я могу скоро къ Нему возвратиться, и въ большую еще милость.

Такое ложное заключеніе послужило, однако жъ, къ избавленію многихъ нещастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться. Разнообразное рѣшеніе законами запрещается.

И такъ, во все царствование Павла I, во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ Дворянинъ Пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къоблегченію осуждаемыхъ. Всѣ дѣла сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три, только, помнится, отмѣнилъ Онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли строгъ былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его нѣкто изъ разумнѣйшихъ Сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ же теперь, разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомца своего, да и безвинному почти. «Для чего жъ?» спросилъ я. «Боялись иначе,» отвѣчалъ онъ. — «Что,» говорилъ я, «такъ именно приказано было, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?» — «Нѣть,» продолжалъ онъ; «да мы по всѣмъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угодить Ему.» Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: «Мы, далекіе отъ Двора, Московскіе Сенаторы, простѣ живемъ, и не отвѣдалъ бы, конечно, знакомецъ твой кнута, если бы случилось дѣлу его быть въ 5 Департаментѣ.»

Въ Мартѣ приѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребыванія его въ сей столицѣ было мѣсяца два. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключокъ иногда знатнѣйше меня подвергались; однако не говорилъ со мною ни слова. Я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему: «Чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.»

Впрочемъ, у Государя въ сердцѣ противъ меня, конечно, ничего было, а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ,

которые Ему нужнѣе, или пріятнѣе меня, казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство расскажу я, между прочимъ одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь, въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ, пожаловалъ и меня Кавалеромъ ордена св. Анны 1 класса, то я, пославъ по обычаю, давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку, очень любезному, и которой, въ бытность мою при Государѣ, беззинтересно любя меня, обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ Каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травками.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда въ большой уже у Государя милости, въ первый праздникъ пришелъ къ Нему въ кафтанѣ, спешномъ изъ моего бархата. Государь былъ очень весель. «Ты заставилъ и меня К. (Кутайсовъ) носить Французскіе кафтаны. Что это за прелестной бархатъ! Откуда у тебя?» К. сказалъ. «Такъ стало Ив. Влад. любить тебя; смотри же, заслуживай любовь его! Это тебѣ и у меня атtestать,» изволилъ сказать Государь; и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ разсказывалъ самъ К.

Въ началѣ 1800 года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ губерній; и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ быть въ Казанскую, Вятскую, Оренбургскую.

Осмотры такие, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій: хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшия суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо менѣе строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сие особенно въ разсужденіи взятковъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ болѣй мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятковъ. Надобно сдѣлать прежде, есть ли можно, чтобы въ людяхъ лакомства не было, чтобы они нуждѣ и прихотей не имѣли, чтобы, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля

всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи помѣшу я здѣсь чѣчто изъ писанного мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803 году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

«Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше, конечно, пропустите мнѣ, что я отъ безпредѣльного усердія къ священной и, пропустите, еще сыновне искренней свободности моей, къ любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоцѣнному для меня отечеству, коего благо должно быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настоящее до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

И такъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихомістства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ, преходимую большею частью людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство изтрѣбить взятки есть такъ дѣлать, чтобы или совсѣмъ не за что, или сколько можно меныше было, за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, естьли бѣ и хотѣли. Таковыми средствомъ гораздо удобнѣе изкоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить погубное дѣйствие лихомістства, нежели самыи строгими за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно известно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица.

Не малымъ способомъ къ обнаруженію сего послужить бы могла и отмѣна того закону, который равному подвергаетъ наказанію и прѣмлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюясь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему строгости тончайшей нравственности самой высокой добродѣтели, коя правила заставляютъ безъ изъятія жертвовать собственностью во всемъ общемъ пользовѣ и чести истинной, и которой столько же не естественно быть между миллионами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностью, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею. Объ от-

мѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ первого осмотра губерній, дерзаль я представлять еще въ Бозѣ опочившему Государю Императору, родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть ону важную въ кругѣ государственныхъ узаконеній статью Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть соченомъ, имѣвшимъ счастіе въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать, по крайней мѣрѣ, желаніе быть достойнымъ онаго званія.»

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю. Всѣ наши представленія были уважены, и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы, а мы съ товарищемъ получили Командорскіе кресты ордена Св. Иоанна Йерусалимскаго, въ числѣ тѣхъ изъ обозрѣвшихъ губерніи Сенаторовъ, кои за отличные при томъ труды всѣ награждены были онимъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Послѣднее очень трудно. Всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно; и какъ же попасть именно на тѣ, которая не хорошо произведены, особливо съ умысломъ. Такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, на примѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной приказываю я Предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. «Какое?» спрашиваетъ онъ. «Какое попадется,» говорилъ я, «только прикажите подать скорѣе.» Что жъ! Предсѣдатель принесъ дѣло, и такъ безпорядочно произведенное и беззаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго. При всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однако жъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главныя черты образа осмотра нашего любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетрадкѣ, подъ названиемъ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ Гг. Сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ Мартѣ 1800 года.» Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ, и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потому говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нея не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ напечатанныхъ уже порознь въ Вятской типографии предписаній оныхъ, въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя Присутственныя Мѣста и Уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобы показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть наставленія, замѣчанія, исправленія, но ничего неѣтъ такого, по чьему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сие сдѣлалось въ слѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской губерніи, о которой при иномъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что «она золотое дно, изъ кото-раго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправ-дами.» Конечно, въ слѣдствіе нашего донесенія, писанного совер-шенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобы можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую губернію, спѣшили мы, по причинѣ настав-шай уже тогда распутицы, въ Казань. При отѣздѣ же изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложа, для усмотрѣнія образа осмотра нашего, оную напечатанную нынѣ выписку, и при-томъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ обо всемъ изъ Казани, со-образивъ нѣкоторыя статьи, имѣющія связь въ ея губерніи съ Вят-скою. Сіе больше касалось до Мѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особливое уваженіе заслужило.

Въ то же время, донося Государю объ отѣздѣ нашемъ въ Казань, о подробнѣйшемъ изъ нея донесеніи, по сдѣланіи вышесказанного соображенія, писали мы, что: «осмотрѣвъ Вятскую губернію, возмо-жное, по данной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впе-редь устройству, въ чѣмъ нужно, предписали наставленія; по жало-бамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; что важнѣйшія злоупотребленія примѣщаются особливо по Водостнымъ Правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе, и всеѣ возможныя установили средства къ пре-ствленію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ; что, на-конецъ, обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ престоломъ Его Ве-личества правду, не можемъ мы сказать, чтобы какое нибудь При-сутственное Мѣсто, или чиновникъ въ губерніи Вятской, заслу-жи-вали представленными быть въ особливое благоволеніе Государево.

А что принадлежитъ до Гражданскаго Губернатора, Дѣйствительного Статскаго Совѣтника Тютчева, то сей, въ честности состарѣвшійся, чиновникъ (ему тогда было лѣтъ 80, по крайней мѣрѣ), истощаетъ по-слѣднія свои силы къ наиболѣшему исполненію своей должности, и го-лосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи.»

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и во-образить того, что послѣдовало. Государь, прочитавъ сіе донесеніе, тотчасъ далъ два указа: однимъ приказалъ Губернатора, за старостью, уволить отъ дѣль, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованьемъ за усер-дную его службу, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вят-ской губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ, и на меня именно, какъ писа-ли ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе на дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро, однако жъ, и на тѣхъ же почти дніяхъ, успѣли близкіе при Государѣ изходатайствовать снижение милости Его и дозвolenіе, прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ Сенатѣ наши бумаги, и, сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально, только не додѣлали.

Сенатъ, разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содер-жанію коей никого отрѣшать по справедливости не слѣдовало, поло-жилъ, однако, отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Пра-вленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государствен-ный Казначей, присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ чи-слѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такие, кои только что всту-нили въ должность и не могли быть ни въ чѣмъ виноваты. О прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднесъ ему докладъ. Государь изволилъ докладъ конфирмовать, а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе-то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріяте-льскіе упреки, что будто я причиняю, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откро-вению, писалъ я свое удивленіе, говоря притомъ, что донесеніе наше (которое подлинно я сочинялъ) написано со всюю справедливостью, но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что естьли, однако жъ, неожидаемо и было оно поводомъ тому, что про-

изошло въ первомъ движениі гнѣва Государева, то послѣ, когда уже дѣло было въ ихъ рукахъ и Государь соизволилъ на ограничение своего указа, очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленного ими, отрѣшения, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ вообще и о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большомъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось по тому, что извѣстно было, что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумной, долговременною опытностью въ службѣ отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій, мало, однако, входилъ въ производство осмотра нашего и, по какой-то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности, ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому, неизвѣстному мнѣ, отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтенаго товарища, съ которымъ во все время вояжу нашего по губерніямъ, около восьми мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однѣхъ квартерахъ, и даже косо другъ на друга не глядѣли.

Кромѣ одного произшествія съ Вяткою, ничего особливо заслуживающаго описанія, при осмотрѣ нашемъ губерній, не нахожу я.

Надобно только разсказать еще анекдотъ, въ той же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной, и достойный вниманія, по отношенію къ правиламъ народнымъ.

Въ городѣ Вяткѣ, которой тогда, по крайней мѣрѣ, похожъ былъ больше на богатое село, нежели на губернскій городъ; обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговаться калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидѣть все рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыхъ тамъ называются балаганами, а ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ калачи, или булки, давая имъ всегда по нѣсколько копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ осьмнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что она отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разторжку пятирублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась. Пять рублей калашницѣ — капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ. Мужикъ

въ слезахъ мнѣ въ ноги: «Помилуй, батюшка, спаси дочь мою! Ты погубилъ ее; она хочетъ удавиться, или въ Вятку броситься. Вчера ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки, товарки ея, цѣлый день ей житъ не давали: ты была у Сенатора, да и только; за что жъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей? Дочь моя воетъ, въ удавку лѣзеть, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходитъ.»

Смѣшино, правда, мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ, однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. «Неуже ль ты этому вѣришь?» говорилъ я ему. «Да естьли бъ дочь твоя была у меня, такъ я бы ей пять рублей, или больше, далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.» — «Родимой,» говорить мнѣ мужикъ, «да кто этому повѣритъ! Мы знаемъ, что неправда, да проклятыя-то завистницы ее съ ума сводятъ, и она дѣвочонка молодая, глупая; помилуй, батюшка!» кричать мой мужикъ, валялся въ ногахъ.

Даю ему деньги — не беретъ. Давалъ ему ужъ столько, что, по состоянію его дочери, могло бы составить изрядную часть ей приданаго: мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: «Помилуй, спаси дочь мою! Не быть ей живой: она удавится; не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хоть и сидѣть, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали.»

«Что жъ мнѣ дѣлать?» говорю я ему: «не жениться жъ на ней. Я ей подарили отъ доброй души, а ужъ это несчастье, что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать; авось какънибудь поправимъ: приди ко мнѣ завтра!» — И насили уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя, хотя невинною, однако причину ему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ, и не зналъ чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много, да цѣломудренной калашнице съ отцомъ ея ничего было не надо. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло поправило.

Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнить на пятирублевыя ассигнаціи, и пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарили по пятирублевой бумажкѣ на разторжку же. Отецъ отчаянной калашницы пришелъ ко мнѣ на другой день, не съ тѣмъ уже, чтобы толковать о томъ, какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. «Богъ тебя надоумилъ, родимой,» говорилъ онъ мнѣ, «однако съ слезами радости: теперь ужъ

ее не дразнить, все девки веселы и съ мею ватахутся, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ, и всякъ говоритъ, что ты это жалуешь только изъ милости.» Признаться, что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я, однако, отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой честной девушки. Но онъ ни какъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: «Батюшка, уволь, вѣдь опять тоже байти (говорить) станутъ.»

Въ концѣ Августа 1800 года возвратился я, обозрѣвъ губерніи, въ Москву, и безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I.

Въ Сентябрѣ того же года случилась известная отставка многихъ Сенаторовъ, сверхъ всякого ихъ чаянія, и осталось нась тогда въ Департаментахъ очень не по большому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь), человѣкъ почтенной, остроумной и много служившій, которой обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ, но по дѣламъ его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибить перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опушаться, и не привыкши ни для кого поджиматься, вѣль себя съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною, и часто для того, чтобы безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было итти противъ ее. Тогда уже онъ всякой разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говорить онъ Оберъ-Секретарю, чтобы доложить его безъ меня, по чему-то считая, что я буду противъ; и подлинно былъ я противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ 5-мъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человѣкъ честной и шутливої, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: «Не лучше ли доложить безъ его Высокопревосходительства? «Нѣтъ», отвѣчалъ я; «доложите; только, пожалуйте, въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.»

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны, и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркой. Онъ выставилъ все резоны въ пользу той стороны, которую я про себя

держалъ. Наконецъ я, будто уставши спорить и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были, согласился съ нимъ: «Ну,» говорю, «мастеру и книги въ руки.» Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и на другой день подписалъ резолюцію: отнять деревню, или землю, теперь не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, черезъ нѣсколько дней узнавъ это, пріѣзжалъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. «Не можетъ это быть,» говорить ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавши въ Сенатъ, спрашивалъ у Секретарей, какъ рѣшено это дѣло? Докладываютъ ему, какъ оно рѣшено. «Возможно ли,» говорить онъ, «чтобъ я согласился такъ рѣшить?»—«Да вы, де, изволили и резолюцію давать, и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе, къ подписанию уже подано.» Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился, и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть, невозвратно, что при одномъ особливо случаѣ не догадался я употребить добронаਮѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою скончали. Вотъ о чёмъ говорю я:

Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію, вмѣсто смертной казни, и къ ссылкѣ на каторгу, не только безъ собственнаго ихъ признанія, безъ довольныхъ доказательствъ но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивой Манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за Сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочие, бывшіе тутъ товарищи наши, слушаютъ стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашивается, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ? «Его можно», говорю я, «съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому Манифесту, а всего спрашивѣ и съ точными словами закона сходнѣе, кажется мнѣ, предать суду Божію, по недостатку доказательствъ.» — «Не лучше ли,» говоритъ онъ, «по Манифесту, или, какъ, вы послѣднее полагаете — и то очень хорошо.» Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ Секретарю свою резолюцію и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ господъ Сенаторовъ, и къ первому подошелъ, моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда, бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько Секретаря: «Что сказалъ Ив. Влад.?» — «Предать суду Божію», отвѣчалъ Секретарь. — «А я утверждаю рѣшеніе Палаты», сказалъ Его Высокопревосходительство, и продолжалъ доказывать товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насыщливостью, которая была ему свойственна и которая, по крайней мѣрѣ, тогда не кстати была для осужденныхъ-то Палатою.

Пошло дѣло на голосахъ. Нашлись такие, которые и къ нему пристали. Вошло въ Общее Собрание Московскихъ Департаментовъ. Въ нихъ также согласно не рѣшилось. Тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ Общаго Собрания Московскихъ переходили дѣла въ общее С.-Петербургскихъ Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю. А можетъ быть, утвердили и рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безпощадной строгости на иныхъ Г. Сенаторовъ, особенно когда око Юстиціи, не всегда здраво зрящее въ плоти Прокурорской, не ясно разглядѣть мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнанной, или скучной благами земли.

Но ежели и гдѣ лишній напрасно люди въ тюрьмѣ просидѣли только по тому, что его Высокопревосходительство рѣшился ошибать мнѣ перья!

Случай сей описалъ я больше для того, чтобы показать, какъ и самая суettная пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ не все ли равно, что рѣзать людей!

И ежели положить на всѣ, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго: просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой состояніе какого нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворовавшись, укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобы чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу, или повѣщеннымъ, то не трудно отгадать, которая перетянетъ.

КОНЕЦЪ 1-І ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ щастіе по службѣ моей при Государѣ, родителѣ его, быть нѣсколько извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъявить ему чувствованія моего вѣрноподданническаго усердія и любви. Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25 Марта, 1801 года (Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на престоль благодѣтельный Монархъ сей означалъ явленіями милостей, предозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Межу прочими дѣлами его милосердія, уничтоженіе Тайной Экспедиціи весьма было блестательное. Оно имѣло въ предметѣ ея злоупотребленія; ибо впрочемъ, тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько же необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное, развѣ только когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая притомъ его отъ стыда. Намѣреніе Государево при уничтоженіи оной экспедиціи самое благотворное было, но не соотвѣтствовало ему положеніе Сената, которому предъставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производиться роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общи кругъ судопроизводства, и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ Палатъ, съ согласія начальниковъ губерній, на основаніи законовъ.

Между кѣмъ же дѣлъ такихъ, и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ, особенно по словамъ, случиться не можетъ, какъ не между людьми нижняго состоянія, въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ? Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости законовъ, которую Цари, и самые грозные, укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей кромѣ ихъ, никто не имѣть власти удалиться?

Не могли бы начальники губерній съ Палатами нисколько облегчать судьбу судимыхъ, не смѣли бы представлять о томъ, естьли бѣ не сыскались еще и такие, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостью выслуживаться.

Не дерзко предполагать сie, когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣлу такого рода произошелъ между Гг. Сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ, и дѣло вошло по тому одному въ Общее Собрание.*

* Дѣло сie слушано въ Общемъ Собраниѣ Московскихъ Департаментовъ 13-го Июля 1808 года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорблению Царскаго Величества. За доносъ, не доказанной, Уголовная Палата опредѣлила, наказавъ двухъ человѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ Департаментѣ Гг. Сенаторы утвердили рѣшеніе Палаты, съ опредѣленіемъ ею числомъ ударовъ, а другое также утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое. Не могли согласиться, и дѣло перешло въ Общее Собрание, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ нисколько, и долгомъ совѣсти и самаго законного порядка счелъ подать слѣдующій голосъ:

«Нахожу въ дѣлѣ семь возможность какъ умышленной клеветы.... такъ равно и упорства.... въ признаніи вины своей, и при справедливомъ, можетъ быть, показаніи первыхъ, ибо хотя въ мудре укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тѣжкое наказаніе за доносъ не доказанной, однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливой донессъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стечению обстоятельствъ, а въ сихъ случаяхъ виновные въ тайны сожалѣнія неосторожные или простодушные и часто усердные доносители, и на такие-то случаи весьма кстати, по мнѣнию моему, обращаемъ можетъ быть самимъ правосудiemъ столько же строгимъ, сколько и человѣколябивымъ, изреченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удовѣренія десять виноватыхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго.

И такъ, уничтоженіе Тайной могло имѣть гибельнѣйшія для человѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ Государевой, и по любви къ человѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ себя чрезъ письмо, которое, для поднесенія Государю, располагая я отдать другу моему, Сергею Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся тогда въ С.-Петербургъ проѣздомъ въ лучшіе края. Началь было я и писать его, но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь помѣшила. Плещеевъ уѣхалъ; я долго пронемогъ, и между тѣмъ разсудилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, которой и подлинно мнѣ скоро представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для коронаціи.

Во время пребыванія Его въ Москвѣ, Общее Собраніе Сената составляли 1, 5 и 6-й Департаменты. Въ собраніи самъ Государь изволилъ быть однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разматривали мы дѣло по жалобамъ о сборахъ въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ и для угощенія Губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о такихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили то дозволительнымъ, а другое нѣтъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ двумя изъ важныхъ Сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ. «Какъ», говорили они мнѣ, «по обычаю хлѣба-соли не принимать и не прѣѣхать на обѣдь, когда приглашаютъ? Вы сами многоѣ здили по губерніямъ; не уже ли не принимали вы хлѣба-соли и не здили на званые обѣды?» — «Всегда я принималъ и приму», отвѣчалъ я, «хлѣбъ печеный и какую нибудь глиняную, или серебряную, рублей въ пятокъ, солонку; обѣдать пойду ко вся кому, начиная отъ первого изъ чи-

но настоящее дѣло, важное преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ приемлютъ отъ людей зловредныхъ, и коихъ отношенія могутъ имѣть вліянія, для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ, дѣло сie для надлежащаго окончанія предоставить разсмотрѣнію извѣстнаго Комитета, учрежденного Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году Генваря въ 13-й день »

новниковъ губерніи до послѣдняго купца; но не приму я хлѣбъ-соли, ежели поднесутъ ее мнѣ на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ, подъ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про которой бы узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а естьли свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, при чёмъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе».

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощенія и проч. въ оной губерніи положили мы изслѣдоватъ по порядку судомъ, что и Государь подтвердить изволилъ, а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій, день изданъ имянной указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбѣ-соли.

При семъ осмѣлюсь сказать, что намѣреніе сего указа изящное, но, въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившагося обычая, легче обуздать злоупотребленія, могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоценныхъ, нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ обычай, въ хлѣбѣ-соли подносить вещи, поднощикамъ ничего почти нестоющія, какъ-то, на примѣрѣ: плоды и тому подобное.

Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу закона, какъ ихъ неисполненіе. А требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножать виноватыхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ Собраниі Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, К. П. А-ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запрданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ Департаментомъ, и по жалобѣ А-ва внесенное въ Общее Собрание.

Я не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ обѣ немъ говорили, но я всегда отмѣнилъ нелюбопытство быть знать чужія дѣла такого рода, и признался, что часто изъ благопристойности, слушая ихъ, не слышу. Рассказывали мнѣ обѣ немъ нѣкоторыя барыни вѣщуны, только я или не слыхалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ, или не понялъ ихъ. Помню только, что они А-ва и казнили и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь, слышно, расположень противъ него.

На другой день послѣ сихъ разсказовъ, прїѣхавши въ Общее Собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду сказывали. Генераль-Прокуроръ говорить мнѣ, что рѣшеніе 3-го Департамента святое, и что я, конечно, съ нимъ согласенъ буду. «Посмотрю,» отвѣчалъ я: «естыли найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь.»

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ имянной указъ о разсмотрѣніи оного дѣла въ Общемъ Собраниі, а затѣмъ въ слѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая спѣшность удивила меня и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю Оберъ-Секретаря, для чего онъ такъ спѣшилъ? — «Приказано,» отвѣчаетъ онъ мнѣ тихонько.

Изо всего увидѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я всегда себѣ за правило, сказать, или написать, свое мнѣніе — «да,» и «какъ изволять.» А потому, сохрания слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку и, увидѣвъ изъ нея, что А-въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ Оберъ-Секретарю, сказавъ, что я при немъ и останусь. Нѣкоторые Сенаторы, и изъ знатѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ, и обѣ иныхъ Генераль-Прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣнія, приказывалъ такъ записывать: «Ну, пиши, братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ Департаментомъ.»

Замѣчательно было то, что послѣ А-вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностью Князя П. В. Л., считая, что онъ, по знакомству своему съ ними, непремѣнно убѣдилъ меня къ тому своею просьбою, а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по прїѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ Князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть такихъ нелицепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій.... и особенно не ожидали отъ меня, потому что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большинствомъ А-мъ было у насъ по службѣ Московской и неудовольствие нѣкоторое.

Государь, предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьевъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободскую Украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія. Сей товарищъ мой, весьма извѣстной

по рѣдкимъ дарованиямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающейся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все, и сдѣлаетъ не хуже меня, но ни во что не входилъ отъ сказанного мною пристрастія, и даже, можно сказать, ослыпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобы я и требовалъ его согласія, хотя не переставалъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ-то осмотрѣ губерніи открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее уменя на сердцѣ представление о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной Тайной Экспедиціи.

Въ тюрьмѣ Уѣзднаго города Богучара, между колодниками увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго лицо, замѣтное по чертамъ добронравія и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобы избавить отъ погибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одиннадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому онъ содержится дѣлу, и гдѣ оно? «По секрету,» сказалъ мнѣ на ухо Городничій, «а дѣло въ Уѣздномъ Судѣ.»

Я велѣлъ привести его въ ввечеру къ намъ на квартеру, а Уѣздному Судѣ съ Секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказанія; однако, по порядку законному, долженъ быть непремѣнно обвиненъ и наказанъ, вместо смертной казни.

Въ праздничный день доброй однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенной въ домовой отпускъ матросъ, которой за разныя шалости отданъ былъ въ рекрутъ изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въ ономъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирной однодворецъ отмалчивался, и только сказалъ глупую простолюдинскую пословицу, которой, по непристойности въ ней словъ, нельзя написать. Матросъ, переговоря и ее иначе, закричалъ: «Такъ-то ты говоришь?» и донесъ начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ Царскому Величеству, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили донесъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ни чѣмъ отвести, т. е., не можетъ доказать, чтобы они по враждѣ на него, или по чему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно. Но можетъ ли это всегда доказано быть? Иногда человѣкъ имѣеть себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое ему зло сдѣлать; но онъ ни чѣмъ, такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня первого не безъ такихъ, и у многихъ конечно. Сверхъ того, можетъ иногда свидѣтель должно сказать и по тому только, что или не такъ ему послышалось, или забылъ точные слова, или не такъ ихъ понялъ; а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопости, не вслушаясь, говорять ложь.

Потому-то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельствамъ такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣтельствовать.

Не имѣя власти уничтожить дѣло, велѣли мы однодворца опять отвести въ тюрму, только уже безъ оковъ, которая велѣлъ я съ него снять, прежде для того, что неприлично, говорилъ я, Городничему въ спальню къ Сенаторамъ вводить скованнаго, а послѣ обнадежилъ я его, что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же Судѣ приказалъ я подать намъ, при секретномъ рапортѣ, выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному Секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ, принялъ я писать донесеніе Государю для отправленія по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вострой Секретарь, вѣжавъ ко мнѣ, спрашивается, прикажу ли я законы выписать? Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобы и законы подведены были, и говорилъ я ему: «Скажи мнѣ правду, для чего ты обѣ этомъ спрашивалъ?» — «А для того, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ мнѣ бойкой Секретарь, «что, по данной вами власти, не угодно ли будетъ завтра при Васъ приказать и экзекуцію сдѣлать.

Нарочно описалъ я сіе, чтобы показать образъ мыслей и расположение о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ, въ надеждѣ на Его человѣколюбіе,

представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено, и судьба страждущаго не можетъ облегчена быть иначе, какъ властю Императорскою; а по здѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать Губернатору, чтобъ когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до получения Высочайшаго Указа.

Къ находившемуся же тогда при Государѣ, Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, послали мы, для объясненія, при докладѣ выписку изъ дѣла, а я приложилъ къ нему, для поднесенія Государю, записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выйти отъ самого уничтоженія Тайной Экспедиціи, какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представляль я, съ какою тонкостью разбирать должно дѣла, особливо о словахъ, которыя иногда означать могутъ рѣшительное расположение ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности, или невѣжства и проч., чего, однако жъ, законы не различаютъ. Но что, впрочемъ, сколь ни строги у насть законы на дѣла сего рода, только я думаю, что, по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною, а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способы, въ отраду человѣчества, явить небесное свойство милосердія, особенно въ дѣлахъ, до оскорблениія лица Его касающихся, и проч., и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его (17 Генваря, 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца, а Сенату дать указъ, чтобъ всѣ дѣла сего рода, подъ названіемъ преступленій, противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстныхъ, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ всемилостивѣйшаго рескрипта Вашему Превосходительству, вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, Вы изволили видѣть, съ какимъ расположениемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія Ваши объ окончаніи порученнаго Вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее Ваше донесеніе обѣ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя Монаршее вниманіе, и, въ слѣдствіе оного не только данъ Высочайший указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не совершать въ Губернскихъ мѣстахъ, но, по ревизіи ихъ, представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося Вашему Превосходительству истинную благодарность мою за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣрности, коими угодно Вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ Вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе Ваши обратили на себя Монаршее благоволеніе,» и проч.

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, которой, по окончанію осмѣтра нашего, почти прямо проѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писаль оттуда ко мнѣ: «Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ), разсмотриваны и привели въ удивленіе.»

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ обѣ осмотрѣ губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія Монаршаго, и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ:

Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ Я послѣднее донесеніе ваше обѣ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ Меня данныхыхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской гу-

берні, дѣлають честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ спра-
ведливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и прі-
емя за благо всѣ представлениа ваши, Я даю надлежащее по тому
предписаніе; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харь-
ковскаго Вице-Губернатора, Статскаго Совѣтника Кортвелина, въ Дѣй-
ствительные Статскіе Совѣтники, Директора училища, Коллежскаго
Ассесора Кудрицкаго, въ Надворные Совѣтники и, сверхъ того, опре-
дѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей,
въ подкрайненіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячъ
рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; Титулярнаго
Совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ Городничимъ, и находившихся
при васъ чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковен-
кова, произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.

Генваря 14-го,

1802 года.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской губерніи, касательно называющихъ Духоборцами, требуетъ также особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковъ, остановились мы на сутки въ Бѣльгородѣ. Обѣдали у Архіерея. Вспомня, что при покойной Императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцовъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно обѣихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ обѣихъ мѣшала ему довольноствовать мое любопытство, перервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій Земскімъ Исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, которой помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясной. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онѣмъ чиновникомъ и распрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ браніи же. — «Да изволите жъ ихъ знать?» спросилъ онъ меня. — «Нѣтъ.» И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть. — «Извольте жъ ихъ посмотрѣть,» продолжалъ онъ; «похожи ли хоть мало на Христіянъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви ха-

живали; да полно что, въ церкви стоять, а не это думаетъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащишь, да въ однихъ рубашкахъ палачьемъ дуть.»

«По чему жъ,» спрашивалъ я его, «знать было вамъ, что они думаютъ?» — Какъ же-сь, это видно,» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что происходило и происходитъ съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной Императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при Государѣ покойномъ всякой Генераль-Прокурорѣ, въ слѣдствіе Губернаторскихъ представлений, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣльными семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ I отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились. Вѣлѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаѣхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія.

Въ Августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ Октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были Епархіальнымъ Архіереемъ два ученѣйшия, какъ въ вѣдомости сказано было, Священника, и Земскаго Суда Засѣдатель съ командою.

«Вы сдѣлаете бунтъ,» говорилъ я Губернатору. «Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ.» Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ беспокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ. «За послѣднія вы будете отвѣчать,» сказалъ я ему, «и прикажите командѣ возвратиться; а чтобы Священники теперь по-годили трудиться, о томъ переговорите съ Преосвященнымъ.»

Это происходило у меня съ Губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день, которой былъ почтой, по утру, только что я сѣль писать на почту, вѣжалъ ко мнѣ Губернаторъ блѣдной, съ бумагою въ рукахъ и говорить мнѣ: «Ваше Превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропаѣть: Духоборцы не слушаются; говорять, что они Государя Помазанникомъ Божіимъ не признаютъ; распятому Господу Іисусу Христу не покланяются, и ни какихъ податей платить и Государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретной рапортъ ко мнѣ отъ Засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и Земской Судъ отправился на мѣсто для слѣдствія.»

Успокоивъ я Губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остеграться и меньше робѣть.

«Что жъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ меня. — «А вотъ что,» сказалъ я ему.» Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, не искусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому—самой присланной къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполнень благоговѣнія къ Нему. * Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ ни какихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякого теперь мужика, которой встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронації? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,» и проч.

«Итакъ, вотъ что Вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочного. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому Суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что

* Въ напѣвѣ семъ написано было: «Покланяемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованому, и не литому, и не писаному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра,» и проч., и проч.

онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ Вамъ и безъ Вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а Засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей—Священниковъ извольте отнести официально къ Преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ Государю.»

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще. Когда онъ проснулся, я ему все рассказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При всемъ благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ, и при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ, кажется, только изъ нѣкоторой нѣжности, особливо его характеризующей.

Первое донесеніе о семъ Государю было слѣдующее.

«Изъ Харькова, Ноября 12-го дня, 1801 года.

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженіе, особливыми долгомъ поставили мы обратить оное на произшедшее по Изюмскому уѣзду, относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ, о чемъ подробно изъясня въ представленной у сего выпискѣ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее. Прежде нашего сюда приѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества.

При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, не искусно, конечно, сдѣянные, изторгли изъ увѣщеваемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданическимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и разоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ красахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключение, думаем мы, основательно можно дѣлать, Все-милостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей, относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ религіи; ибо между прочими статьями доносятъ, что они «Распятому Господу Іисусу Христу не покланяются», а въ нѣкоторомъ, такъ называемомъ, напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость, въ свидѣтельство ихъ беззаконія, приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ во-площенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что въ прилѣжныхъ, съ ласковостію, разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться Монаршей власти, а всѣ земскія обязанности исполнять.

По выше донесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, где происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминального дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ Губернатору съ нарочнымъ. Но когда Губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ Августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствомъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобы все оное приписано было недоумѣнію и неискству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобы никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и естьли кто взять подъ стражу, то ни мало не мешкавъ, былъ бы освобожденъ, а что по время получения сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы, для надлежащаго уваженія, обстоятельно Судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ то означено въ предписаніи Губернаторскому, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ, а Губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для Высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ седьмъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе

его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности, или невѣжества, крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и по тому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцовъ довольно уже испытанъ Правительствомъ чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствиемъ та же великолѣпная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему Начальству Августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи, предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякой съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ, смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположение, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церкви священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопрѣніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовью къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнѣю своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковыя пастыри, естественно, вкоряя о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающія просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, но заблуждающія въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долга и обязанности, то, слѣдя мудрому Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и Государственными законами, по общему Гражданскому и Земскому состоянію, съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія; естьли бы же кто на дѣлѣ оказался прямо воз-

мутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ посту-
пать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, устремлять своего
вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшней
Губерніи, для исполненія Высочайшихъ препорученій намъ отъ Ва-
шего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою
рачительностю найлучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ
въ свое время доносить Вамъ, Государь, съ искренностью и откры-
вленностью, свойственными безпредѣльному усердію, коимъ повер-
гаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первой отъ нихъ во-
просъ Духоборцамъ былъ о коронації. Духоборцы, не имѣющіе къ
обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворитель-
наго и сказали, что они всякаго Царя почитаютъ отъ Бога поста-
новленнымъ, добро — даромъ Божіимъ, а зло — бичемъ за грѣ-
хи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителя и спрашивали ихъ,
вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духобор-
цы отвѣчали: «Это не Спаситель, а доска расписанная.» Наконецъ
ихъ спрашивали: «Будутъ ли они платить подати и рекрутъ ставить?»
Они съ досадою говорили: «Мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить?
Какіе отъ насъ рекрутъ? Остался старой, да малой, да изувѣченной.
Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь — власть Его,
не можемъ.»

Скоро собралось у насъ много Духоборцовъ. Нѣсколько ихъ при-
шло и изъ Екатеринославской Губерніи. Хотя для порядка сохранялъ
я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобы не по-
давать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ на-
рода любопытство, говоривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и
обыкновенно ходили они ко мнѣ всякой день по утру. Они очень
полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ,
фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой на-
ружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, на-
шелъ я въ нихъ понятія о Христіянствѣ самыя коренные и пра-
вильные. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая.
Никто почти изъ нихъ грамотъ не знаетъ хорошенъко, писать изъ
многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякой
о законѣ говорить, какъ книга.

Соглашаяся съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все суще-
ственное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобно-
сти и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ вѣнѣнія обязанности,
повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ: «Дѣлайте это», говорилъ я
имъ, «хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть
Христіяниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы ближ-
нихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды!
Да для чего жъ», спрашивалъ я ихъ, «перестали вы ходить въ цер-
ковь? Вѣдь вы прежде ходили, и все исполняли какъ и прочие?»

«Признаемся,» отвѣчали они мнѣ, «въ грѣхѣ своемъ, что перестали
ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя. — Отъ ка-
кой же досады?» — «Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать,
да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: «Въ церкви
стоишь, а не то думаешь.»

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самого
бывшаго Господина Исправника, которой мнѣ хвалился такою палоч-
ною противъ нихъ войною, и которой изъ числа почитающихъ Хри-
стіянами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя
свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать
имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Въ слѣдствіе сего написали мы къ Государю, включаемое здѣсь,
Донесеніе.

«Изъ Харькова. Декабря 3 дня, 1801 года.

Въ слѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Импе-
раторскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о произшедшемъ въ
Изюмскомъ уѣздѣ, по случаю безвременного увѣщанія, такъ назы-
ваемыхъ Духоборцовъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, про-
должая обращать самое прилежное вниманіе на дѣло сіе, всегда на-
ходили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвремен-
ное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискуснымъ, и
вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщивае-
мыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

Наконецъ, самые тѣ изъ оныхъ, которые наиболѣе и съ такою
важностью обвинямы были, и которые и по прежде бывшимъ ро-
зыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи, по настоянію нашему,
освобождены, на сихъ днѣахъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ
ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удо-

стовѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испросивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при нась и при Губернаторѣ здѣшнемъ, и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить Высочайшему возврѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ Августѣйшей Особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, простыми изреченіями въ прошениі ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако, довольно извѣстно, что они, приемля только духовное поклоненіе и совершение таинствъ единственно духомъ же во внутренности, отмataются всякою наружность въ религії; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ муропомазанія. Но они признаютъ Государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества они, можно сказать, проникнуты признательностью и любовью, и, говоря о Вашемъ Величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: «Онъ нашъ Государь, и человѣкъ добрый и милостивой.» Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданническая преданность въ простомъ чувствованіи особливо угодна истинно отеческой любви Вашей и великодушной благости.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ, Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской Губерніи были у насъ, Всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣсть, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предавалась Всемилостивѣйшѣй волѣ Вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о томъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія оного на общую пользу Государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраниеніемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣствій вражды съ прочими

поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкутся ли, или, по крайней мѣрѣ, не затрудняются ли, чрезъ самое сіе, способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцовъ, осмѣливаемся сказать, что естьли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особья мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселенами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ комиссаровъ, или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуевѣрныхъ.

Не теряя также, по связи общей, изъ виду полнаго присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи Православной Церкви средствами, истинному духу Христіянства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, не безполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона Священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, доброго житія и убѣдительного, сердечнаго проповѣданія слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ то, что никакіе обряды не могутъ препятствовать существенному богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергаютъ.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей съ стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственno водятся. Всякое принужденіе раздражить только энтузіазмъ сей, всякое утѣшеніе воспалить его. Прочие раскольники, держимые законоблѣстію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ, одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку, и которыя не укоренилися въ душахъ ихъ, а въ серд-

цахъ, по большей части, и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего.

Бѣдность ихъ, Государь, прекрайняя; ибо они до конца разорены ссылкою со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Домы ихъ и всѣ пожитки проданы. И хотя повелѣно было полученные за оные деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано; а впрочемъ, какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительной для вѣренныхъ Вамъ народовъ опытности Вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества. Вѣрноподданническою любовью цѣлуя скипетръ благоденствія его держащую руку Вашу, повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.»

Сіе Донесеніе отправили мы уже по окончаніи осмотра Слободской - Украинской Губерніи и собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской уѣздъ той же Губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта. Признаюсь, что и не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человѣколюбіе Государя, но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ни сколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслуживаться, представляя вездѣ опасности, хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ, и которые хвалять, или порочатъ, дѣло не по тому, каково оно,

а потому, кѣмъ оно сдѣлано.* Тѣмъ больше, думалъ я, толки такие могли навлечь препятства, что тогда, со стороны образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому щастіе чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

Впрочемъ, при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, съ начала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ, а предметомъ имѣлъ оказать услугу общей Государства пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашель я въ своей предспальнѣ дожидавшагося

* Особливо могъ я такъ думать по тому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаются, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ, и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до сльезы. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1. Передъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, видя у одного отлично-разумнаго и учесаго Архіеря (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ, кажется, первымъ), разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ, представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день Архіерей сей въ собраниіи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ, и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостойно даже вниманія Правительства. Другой Архіерей, съ которымъ мнѣ случилось говорить точно то же и въ тотъ же самый день, только ввечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня, напротивъ, самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресечению расколовъ, но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять, и пересказывалъ какія. Гонитель той, при всей лютости своего ополченія, смягчился, однако жъ, и утихъ, посовѣтавъ слово въ слово тоже, что и ему я говорилъ, слыша за мое же, отъ своего товарища, и еще старшаго.

2. Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника, крестьянина, на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я выше въ сей второй части моихъ Записокъ), въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ лается резолюція, послабляющая просителю. Я за болѣзнью тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобы жалобу эту передать въ Уголовный Департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи, въ первомъ движеніи, закричали: «Ну, извѣстно, что онъ за раскольника!» Это даже забавно.

меня Почтмейстера, который вручил мнъ по эстафетѣ полученный отъ Императора рескрипты.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ, распрошавшись съ Почтмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескрипты:

«Господа Тайные Совѣтники и Сенаторы Лопухинъ и Нелединскій - Мелецкій! Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцовъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и въ слѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской Губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю Я Губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ Правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что Правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, Я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они дома, и естьли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

На подлинномъ:

Въ С-Петербургѣ.

Ноября 27-го

1801 года.

Александръ.»

До восхищенія пріятель былъ, конечно, сей рескрипты, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣко любія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищъ мой, и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ. Черта почтенного характера, достойная быть извѣстною.

На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я письмо отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинского, въ которомъ сей Министръ, отлично твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи Монаршемъ, и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу.

Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое изготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ, коего, наканунѣ отѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ, въ письмѣ оному написалъ, что «онъ ни сколько не можетъ участвовать въ благоволеніи отъ Государя, намъ оказаннымъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что я напишу.» Я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ слишкомъ серьозно сказалъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, за печаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегера; только тутъ дошло было подлинно до браніи.

Такимъ образомъ началась исторія Духоборцовъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище, на Молочные Воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева, и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствомъ всѣхъ Губерній Высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ Генераль-Прокурора объявленъ всѣмъ Губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801 года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Брали меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клубка не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коєя начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполній.

Брали меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прильжно разбираютъ, рыба ли вязига* и можно

* Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерницу по Французски и по Нѣмецки, которая толковала съ Архіереями,

ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него, де, кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ ссылку, и всякую неправду для пріятели, особенно для вельможи придворного.

Бралии думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, что такое секта, или расколь; не знаютъ сами хорошенько, какой религіи, и съ надмѣнной улыбкою слабыхъ умовъ говорять: «Какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа,» коему они не вѣрятъ.

Бралии охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что такое секта и въ чемъ состоить благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого нибудь Превосходительства, и особенно изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься.

Бралии и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но узнавъ, что и тамъ обѣ ономъ дѣлѣ Духоборцовъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простиратсья и на общую пользу, не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторой вредѣ, ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня не трудно; узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, въ которой описалъ все оное происшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сию рукопись, которая не могла быть напечатана, изключая изъ нея сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особенно побужденъ я былъ однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ Архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому слушаю, говоря о Духоборцахъ, писалъ: «Сей родъ сильно умножается и, не зная, что дѣлать съ нимъ, зѣло винять Ивана Владимировича.»

можно ли есть вязгу въ тѣ дни, въ которые по Уставу не положено есть рыбу, и ей разрешили, почему-то, не упомню, вязгу къ рыбѣ не причитая.

ВЫПИСКА ИЗЪ РУКОПИСИ

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ОТЗЫВЪ ИСКРЕННОСТИ.

Слышу, что умножается число, такъ называемыхъ, Духоборцовъ, и что за сіе винять меня.

Если бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть и не есть никому непріятелемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы право себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ Церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I

Никогда, не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть, и конечно имѣть, свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Иисусѣ, есть истинная натура Христіанства. Кто сего Евангельского и Апостольского о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанству, или совсѣмъ никакого обѣ немъ чувства и понятія не имѣть.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь Христіанской жизни, и для постояннаго ихъ къ тому превозведенія, при содѣйствіи Благодати свыше, нужны церковные

уставы, обряды, служения, правительства, начальства и проч. А по сему и надобность учрежденной религии есть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ, истину исповѣдающихъ, т. е., Христіанскихъ религий, уставъ Греко-Восточной Церкви почитаю я наилучшимъ, не по тому только, что я въ ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II

Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколько естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину изъ точки прямаго на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ и оттѣнкамъ, слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическая побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ, или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались онимъ заблужденіемъ людей, слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу: но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ, или другой, образъ поклоненія, или совѣтъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего.

Итакъ, самая ревность къ закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводить въ разнообразныя заблужденія и производить различные расколы и раздѣленія.

Не постигающіи силы духа и внутренняго качества Христіанскаго и заключающіи все въ одной внѣшности, боготворить ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христѣ, нежели говорить тѣми, а не другими, словами, лучше совсѣмъ не будеть молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

На семъ совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщенного, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстью и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву неустную, мысли о молитвѣ, за поклоненіе духомъ и истиною: безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размыщленіи о духовномъ, и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность Христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнью духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку божественной премудрости, которая не входить въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ, вѣрою и любовью ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III

Изъ оной-то смысли стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ родилась секта, такъ называемыхъ, Духоборцовъ

Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея не извѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго, и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей, однако, они всегда ходили въ храмы, бывали у Свят. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались, и всѣ внѣшнія обязанности Религіи исполняли. Сіе между ими продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оные Духоборцы, и, конечно, не по тому только, что

они всѣхъ вреднѣе. Разными образами изтязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, где ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись, нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV

Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губерніи Духоборцовъ велѣли мы съ товарищемъ тотчась освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя; а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства строгости всегда обращаются или въ несправедливое изтязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспалается больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надо бно убѣждениемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь Евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія соврашающихся съ прямаго пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилепленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользу тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отметаніе Духоборцами всякой наружности, конечно, есть величайшее заблужденіе. Кромѣ установленныхъ въ Церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отверзая пути сокровенному дѣйствію духа Божія, всѣ уставы и обряды церковные спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностю совершенія служебныхъ обрядовъ, и видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

Шакъ, отверженіе всякой наружности есть, конечно, заблужденіе Но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ, или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола. Лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

* * *

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользъ государстvenныхъ, конечно, не осудятъ того, что въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ поченнымъ товарищемъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Въ самой первой день 1802 года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться, и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Аглинскомъ саду въ подмосковной, и въ немъ, на Юнговомъ острову, * у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно великими, питать свое сердце самыми для души щѣлительными чувствами и бжаной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшениемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни; но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило было меня препятствомъ ему.

Меня выбрали Совѣтнымъ Судьею въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія Государева; и всегда бы не охотно ее принялъ, потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать; однако, отказаться нельзя было; но, при всемъ усилии требованіи дворянства и настоящіи Губернскаго начальства Московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность, не вступалъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева; почему и представлено Ему было о семъ выборъ отъ тогдашняго Московскаго Военнаго Губернатора, Фельдмаршала Графа Салтыкова.

* Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4-му Вѣстнику Европы въ Февраль 1809 года, и короткое описание ихъ и всего сада моего на стр. 298 сдѣлано издателемъ, Василемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, которой отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствованіями прекраснаго сердца.

Для того неохотно принималъ я должность Совѣтнаго Судьи, что и подлинно въ Судѣ семь, съ найлучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ Судѣ.

Совѣтной Судь вообщѣ судить такъ, какъ и всѣ прочіе по законамъ, и правила его: 1, человѣколюбіе; 2, почтеніе къ особѣ близкияго, яко человѣку; 3, отвращеніе отъ угнетенія человѣчества (Учред. Губерн. 397) суть тѣ же, кои должны быть основаніемъ каждого Суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти обѣ однихъ малолѣтнихъ, и по тѣмъ же законамъ, по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія Совѣтнаго Суда.

Самой приличной Совѣтному Суду образъ сужденія былъ бы, конечно, по дѣламъ уголовнымъ, испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждого преступника и съ силою возможности въ немъ удержать, или преодолѣть, себя, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащемъ степени наказаніе. Но сіе невозможно. Не говоря уже о томъ, что недостаетъ человѣческой проницательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній, невозможно оное и по тому, что и въ законахъ бы требовалась для того различительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ, конечно, двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего-то нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различающіе по внутреннему расположению къ одинакому по виѣншнему своему виду преступленію, подвергаются равномѣрному наказанію закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ оттѣнковъ различить и степени опредѣлить невозможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидящій Праведный Судія, въ очахъ Коего иногда преступникъ подъ мечемъ лютѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ, по заключеніямъ же человѣческимъ, сплетаютъ вѣнцы и хвалы поють.

Въ дѣлахъ тяжебныхъ рѣшенія Совѣтнаго Суда тогда только дѣйствительны, когда, всѣ имѣющіе между собою тяжбу, или довольны, или когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратить дѣло, безъ того же тщетенъ весь трудъ Совѣтнаго Суда, и плоды наилучшихъ его рѣшений бываютъ тѣ, что тяжущіеся безотчетно объявлять на нихъ свое неудовольствіе, и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ Совѣтномъ Судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда помириться между собою, или судомъ посредниковъ, которой есть самой естественной и основательной совѣтной судъ, когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуется его заключеніямъ. А охотники до тяжебъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ Совѣтный Судъ, чтобы протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь притомъ и въ миролюбіи, и зная, что они когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство Совѣтнаго Суда.

Я думаю, что полезно было бы, для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ Совѣтномъ Судѣ начинаній дѣль и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, тяжелый штрафъ, которой взыскивать съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ Совѣтнаго Суда, пойдутъ, куда по законамъ надлежить, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ. Здѣсь, по мнѣнію моему, тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, прочими Присутственными Мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ, можетъ судящихся иногда подвергать большими убыткамъ и, въ ободреніе неправой стороны, устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а Судей угрожать разореніемъ, и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или не входить въ нее, а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то, какъ рѣшить, да на расплату штрафа, въ случаѣ, что такое рѣшеніе не утвердится высшимъ мѣстомъ, которое также не безпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ, опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныхъ законами пеней, произвольно налагаемыхъ, кстати при семъ впишу я голосъ, которой подалъ я въ Общемъ Собраниѣ Московскихъ Сената Департаментовъ, по случаю наложенного однимъ бывшимъ Начальникомъ въ Москвѣ

и ея Губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію Министра Юстиціи, докладомъ со-гласившагося съ нимъ Общаго Собранія, поднесень былъ Государю Императору, съ тѣмъ, что не благоугодно ли Ему будетъ повелѣть Комиссіи о составленіи законовъ, принять сей голосъ мой въ уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на которой докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества. *

Голосъ соня есть слѣдующій:

1) «За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшия мѣры къ воздержанію Начальниковъ Губерній и Губернскія Правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ, которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніяхъ неправдъ, беспорядковъ и притѣсненій.

2) При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точностью соблюденія законовъ и самимъ существомъ правосудія, требовалось заключить взысканія и положеніе пеней и штрафовъ, единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которые именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ, и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафахъ на Судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ, и можетъ быть иногда умышленное, но со стороны умысла не доказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строжае, нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста, а за погрѣшность, и часто неумышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интереснымъ искомъ, можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наследники, которые, по мудрости

* Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василя Девятаго на Московскому мѣщанину Григорьеву. А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сенатомъ въ 7 Департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія, и потому дѣло рассматривалось въ Общемъ Собраніи, где поданъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807 года, а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ Комиссію объявлено Общему Собранию 9-го Августа того же года.

милосердаго въ Россіи законодательства Государскаго, не лишаются имѣнія и за важнѣйшія Государственные преступленія отцовъ и родственниковъ.

Не могутъ въ наказаніи таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе, естественные правосудію; ибо когда упущеніе не умышлено, то вина его равна, какъвъ дѣлъ о маломъ, такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ, сдѣлавшій такое упущеніе, наказывается почти нечувствительно, особенно при безденежномъ состояніи, а въ послѣднемъ, и при самомъ иногда достатокъ, совершенному разоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.

Тяжкіе сего рода штрафы могутъ, устрашая добропамѣреныхъ и честныхъ, но не безподверженыхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихомцовъ побуждать къ большему удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе беззаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же, для запасу на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виновнаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

Я думаю, что къ лучшему отправленію суда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихомства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и, благоразумно не надѣясь избѣжать ее, будеть страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько, говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканий подѣйствовать можетъ къ лучшему и непріепріятнѣйшему судопроизводству, какъ постепенное по начальству, и чрезъ разные, учрежденіями доставленные, пути, вниманіе на теченіе и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, ежели и непріистрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда. На примѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно, однако же, обнаруживаютъ неспособность, или невниматель-

ность, дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступление отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и не по лицепріимству, отъ сребролюбія производится, то уже, конечно, или отъ неуваженія правды, или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что столько же несомнѣнно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобы на сіе больше обращалось вниманіе, и чтобы учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ, заражающихъ судопроизводство.

Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія моего, при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужные къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго.

И гдѣ же приличнѣе и полезнѣе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго Правительствующаго Судилища?

Итакъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москву Совѣтнымъ Судьею, неохотно готовясь вступить въ эту должностъ, и жалѣя, что она помѣшаетъ мнѣ долѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столько нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ меня въ Совѣтные Суды представленія, Государь изволилъ подписать Указъ о предѣдательствованіи мнѣ въ Комисіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣль я щастіе слышать изъ устъ самаго Государя, что Онъ Самъ избралъ меня къ сему порученію, зная, какъ угодно Ему было при томъ сказать, мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слыхалъ я даже, что учреждается такая Комисія, прежде нежели получилъ Указъ о ея мнѣ порученіи, при которомъ пришло было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей Комисіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей

при Дворѣ. Однимъ словомъ, сія Коммісія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды, потому что, при самомъ отправлениі ко мнѣ Указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ, что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію Коммісію, зная мое безпристрастіе, опытность и особенно твердость.

Хотя не имѣть я никакого понятія о положеніи Крымскомъ, но totчасъ увидѣль изъ присланыхъ ко мнѣ правиль неудобность исполненія. Не могъ я, однако, никакихъ сдѣлать о томъ представлений, не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта прїѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе Коммісіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ прїѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на прїѣздъ мой. Итакъ я отправился изъ Крыма черезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія, для дѣлъ своихъ, прожить двѣ, или три, недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ Коммісіи, отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, прїѣхалъ я въ Москву уже по начинавшей портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробѣть осьми, или десяти, дней, а въ Петербургъ на короткое-то время прїѣхавши въ Мартѣ 1803 года, выѣхалъ изъ него въ Августѣ 1804 г. Государь изволилъ принять меня съ отмѣнною милостью. Скоро по прїѣздѣ имѣль я честь у Него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что «Онъ съ особливымъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ мнѣ порученія, и съ такимъ же читаетъ всѣ мои бумаги; о Харьковской поѣздаѣ моей не забудетъ никогда.»

Представлія мои по Коммісіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло Крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ и Коммісіи основаніе положено, то угодно было

Государю, чтобы и мои представлія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи и я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представлій, и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все это исполнить.

Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія Крымскихъ жителей немалаго, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ ту же мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположение, кстати для сихъ историческихъ моихъ Записокъ.

«Дерзая испрашивать Всемилостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю коротко разсказать исторію долговъ моихъ съ простосердечiemъ и откровенностью, которая мнѣ свойственна, особенно предъ Монаршимъ престоломъ.

Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобы никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако, жертвы мои имѣлись, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меныше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ: въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго беспокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что всѣ попеченія Правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета; а съ другой,

любыя, страшно любя, полезное просвещеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ общество наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно.

Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположений человѣческихъ, все оное нещастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыхъ возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получиль за рубль.

Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ, и въ томъ былъ, конечно очень неостороженъ. Но не для того, чтобы себя оправдывать, а чтобы искренно сказать, только всему прямую и естественную причину, скажу, что неосторожность онаго во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удержать моей руки.

Въ долгъ же все для того, что жилъ при отцѣ моемъ, которой девяноста двухъ лѣтъ скончался въ 1797 году. И хотя онъ былъ самой доброй и благодѣтельной отецъ, и любилъ меня какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточного, но и многаго, необходимо нужнаго, не давалъ на содержаніе, не отъ скучности, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерть свою не вѣря, чтобы рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно было платить десять, особенно такъ думалъ онъ въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайнѣ ослаѣвалъ въ тѣлѣ, но, память имѣя здравую до послѣдніхъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и никакъ не нарушили его волю; даже необходимыя, по пристойности времени, для содержанія дому его, издержки, должно было дѣлать, скрывая отъ него и въ долгъ. Очень дорого мнѣ иногда стоило не допустить до него о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположения, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно.

Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми

возможными ему способами пользовалось моими обстоятельствами: и какъ же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ, отмѣнно критическихъ, положеніяхъ чрезъ многіе годы!

Наконецъ, не смотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу въ бывшій вспомогательной банкъ, но, получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣсколько лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда, что также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно: получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ, и большія суммы на ассигнаціи для заплаты своимъ кредиторамъ, которыхъ бы безъ того ввелъ я, конечно, въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ; ибо я промѣнивалъ или прибавлялъ, платя по десяти и по одиннадцати на сто. Лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ, и разорительной, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

Все сначала, мною здѣсь сказанное, известно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

Въ концѣ 1796 и въ началѣ 1797 года имѣль я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ моихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ щедротъ Царскихъ есть самая справедливая, однако, не могъ я воспользоваться тѣми случаями, по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ, говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя я имѣль честь отмѣнно лестно быть призванъ, но я никогда немогъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои между тѣмъ день отъ дня больше разстроивались.

И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи, посадившій ее на престолъ видѣть, съ какою прискорбностью пишу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, если бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобы сохранить мою честь, которою дорожу я въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству; чтобы успокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ и расположень провождать или въ горячей любви къ престолу и отечеству, или въ усердной имѣ службѣ, и чтобы особенно сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, которой не только не дѣлился со мною, но въ един-

ственныи, можетъ быть, "примѣръ дружбы и добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ, которое осмѣлился я написать къ Государю Императору въ моей всеподданѣйшей прозѣбѣ изъ Тавриды о позволеніи прѣѣхать сюда для представленій, и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ Его водила моею рукою, и по истинѣ ему первому, во всю мою жизнь говорилъ я о себѣ съ такою откровенностью.

И по всему тому, приступая нынѣ къ прозѣбѣ, въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее ей вниманіе будетъ Государская милость для меня великая, но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайного, и не прошу такого, чего бы и безъ отличнаго благоволенія не получили служившіе не больше меня, не лучше, и ужь, конечно, не усерднѣе, ибо въ семъ не уступлю я никому.

Я прошу, чтобы повелѣно было купить въ казну деревню, которую имѣю я въ Калужской губерніи, и проч.

Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора, и повергаясь къ освященнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовью лобызая руку Александра Всемилостивѣйшаго, скажу, дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и Отечеству, а Государю, Отцу Отечества, единственно принадлежитъ мудростью цѣнить заслуги и способности, благостью же щедроты своей опредѣлять милости.»

Подать сю записку принялъ на себя Графъ В. П. Коцубей, сей благоразумной, добронамѣренной, трудолюбивой Министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ, за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволъ отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою прозѣбу, но что Онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ, что денегъ въ Кабинетѣ нѣтъ, но что давно угодно Ему оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды, которую и пожаловалъ.

Подаль я въ Государственномъ Совѣтѣ требованное имъ отъ меня мнѣніе о Крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи Совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали — наконецъ рѣшили. Большин-

ство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ. Но когда поднесены ему были, для подписанія, заготовленныя къ тому бумаги, то Онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ Комиссіи и, присутствуя въ Сенатѣ,ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль Государева о семъ была такая, что въ учрежденіи имъ Комиссіи много участвовала милостивая Его довѣренность лично ко мнѣ, но что ежели я не буду всегда тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется успѣховъ. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установлѣніе апелляціи на Комиссію, о которой я представилъ и сильно настаивалъ, говоря, между прочимъ, слѣдующее:

«Хотя за особливую честь себѣ поставляю ту высокую довѣренность, кою опредѣленъ я Предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной Комиссіи, которая есть, конечно, одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи, однако, по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно, учредить на Комиссію сю апелляцію въ Правительствующій Сенатъ.

Впрочемъ, и безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разматривать жалобы на Комиссію, коихъ нельзя, чтобъ послѣ не было, или отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковыми въ дѣлахъ подобныхъ я первый не имѣю самолюбія считать себя не подверженнымъ. Надобно уже будетъ принимать и разматривать жалобы на Комиссію; но, безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для вышняго Правительства затруднительно, а для приносящихъ жалобы не только не удовольственно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для нѣвѣжества и возженыхъ притязаній Татарскихъ.»

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808 года Комитета для разсмотрѣнія рѣшеній Комиссіи, въ слѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ, оправдало оное, еще въ 1803 году, настоятельное представлѣніе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго прѣхаль я въ Петербургъ, еще мѣсяца три, или болѣе, не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ близкихъ къ Государю ничего же не знали, о его участіи.

Многіе, не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли бы очень знать и знали, толковали, однако жъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ, и чего-то добиваюсь. Много поводу къ сему подалъ за долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю; только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы въ старой вѣщательницѣ, Москвѣ. Но я никогда бѣ и не пожелалъ быть онымъ Министромъ, для того, что, по мнѣнію моему,ничыхъ глазъ и ушей не достанетъ всего того только прочитать и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія всей должности и для дѣйствительной пользы, не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣль, которыя нужны Министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные, и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако слухъ сей и разные умножившияся при немъ обо мнѣ толки сдѣлали, думаю, то, что и мнѣ тогда поскольку прежняго на паркетѣ стало, хотя никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои, глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунѣ ихъ при Дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣ ихъ смыслъ стиха:

«La crime fait la honte et non pas l'echaffaud.

Не казнь приносить стыдъ, а преступленіе.»

Итакъ, послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшейся, о участіи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя, чрезъ, Министерство, многіе пункты, въ опроверженіе моихъ представленій и согласія Совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое положеніе, и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать

иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общою Государственною, несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключали обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ, и между Министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: «Что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ? Противъ всего спорить.» Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ Мартинистомъ называется тотъ, кто вѣрить Христу и Евангелію, а спорщикомъ — кто не соглашается на все изъ угожденія Двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно, противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такие, которые сравнивали меня съ Княземъ Яковомъ Федоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ, кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія, татъба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчествомъ строго по законамъ наказуемыхъ. Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что нѣкоторымъ иныхъ кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ, какъ бы сказать, природной вкусъ, а не добротѣль, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столько жъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые, волосы.

Кстати о Князѣ Яковѣ Федоровичѣ Долгорукомъ и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я, конечно, снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа, но скажу откровенно, что разодраніе имъ Указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатскаго, которое Долгоруковъ не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его Указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ Князь Яковъ Федоровичъ, это, конечно, не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава, и въ такой степени,

въ коей себя и преодолѣвать неестественно. Слѣдственно, такія дѣла и не хотятъ дѣлаться. Расположеніе сіе нрава, конечно, поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самаго Петра Великаго, которой близкимъ позволялъ обходиться съ Нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а Князя Якова Федоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же при томъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ Государевой для того, чтобы замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству, къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столько же скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспоривъ сдѣланное о томъ распоряженіе, находить способъ имѣть тѣхъ же работниковъ, и много выгоднѣе.

Это похоже на то, какъ бы, на примѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобы въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ десять тысячъ, а я бы вырвалъ у него письмо, изодралъ и сказалъ ему: «Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты крестьянъ-то разоришь! Вотъ тебѣ пятнадцать: возьми у меня; они теперь мнѣ ненадобны, а послѣ мнѣ заплатишь. Можетъ быть, въ первомъ движениіи пріятель, особенно нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но, конечно, скоро бы поблагодарили еще больше.

Смѣость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленіи сіи дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія, предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имѣ замѣны, совершенно обнаруживая ихъ вредность, или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такія представленія, которыхъ въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляется, и чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтенѣе его представленія, чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ герой.

Наконецъ, совсѣмъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о Крымскихъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ Ком-

исіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣль и весь мой принятъ.

Главная цѣль представлений моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобы все, по оному дополненію, приведено было скорѣе къ концу, съ точнымъ наблюдениемъ справедливости и должна удовлетворенія Татарамъ и помѣщикамъ. Знаю, что меня укорили въ медленности дѣйствій Комисіи: не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такие вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ, которые даже въ письмахъ своихъ увѣряли, что я продолжаю Комисію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать, и сіе писали въ самое то время, когда я, по самой убѣдительной моей прозѣѣ къ Государю оувольненія меня отъ Крымской Комисіи, получиль уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. Итакъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло Комисіи; но я уже скоро четыре годѣ, какъ оставилъ ее, а она еще, кажется, очень не близка къ своему окончанію, не говоря о томъ, что еще только что учредился Комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприосновенность и ненадобность подвергать апелляціи такъ жарко защищали, при настоящихъ моего мнимаго упрямства и споролюбія.

Когда при отѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтиться со мною; приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ, и послѣ обѣда, увѣряя меня въ щастливой для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе, искусство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости, сказалъ, что, наконецъ, Онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣло Комисіи, и съ отмѣнною милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ, по Высочайшему до-зволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804 года и приступилъ къ распоряженію производствъ Комисіи по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидатъ срока на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣль, а Государственной интересъ сохранилъ самой важной — справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ я не могъ никакъ, по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, оставаться въ Крыму, въ которой этотъ разъ и бѣхъ съ тѣмъ, чтобы, побывть тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли Государевой, непремѣнно просить увольненія отъ Комиссіи, и, чрезъ три мѣсяца послѣ прїѣзда моего въ Крымъ, послать я о томъ въ собственныея руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человѣкъ въ Крыму не зналъ, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя найубѣдительнѣйшимъ образомъ. Писалъ къ Нему:

«Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна. Но на кольнахъ предъ Вами признаюсь, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ какимъ я стремился всегда исполнять всякую волю моего Государя, и особенно Александра, великаго благостью, восхищающею меня и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ.

Дѣла Комиссіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непремѣнно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ Престоломъ считаю я обязанностью первою въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣлъ щастіе и смѣость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею Государства и честію имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда всеподданнѣйше прошу увольненія,» и проч.

Отправивъ свою прозьбу,ѣздилъ я, для нѣкоторыхъ обозрѣній, по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописанного собранія многихъ тысячъ величественныхъ, прелестныхъ, ужасныхъ и восхитительныхъ картинъ, представляющихся во всей изящности разнообразія натуры.

На Страстной недѣль говѣлъ я и причащался въ Егорьевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая, страшными романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи, истинно мирные, дни моей жизни, составилъ я книжку подъ именемъ: «Отрывки для чтенія вѣрующимъ,» которую посвятилъ другу моему, Архiereю Черниговскому, Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней, послѣдовали горькія предчувствія нечали, кою поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго моего брата и друга ближайшаго. Онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою прозьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ я отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе, но воля Его есть, чтобы я оставался въ Крыму до назначенія мнѣ преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца черезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго Рескриpta:

«Иванъ Владимирович! Получивъ въ свое время прошеніе ваше обѣ увольненіи вѣсъ отъ предсѣдательства въ Комиссіи о разборѣ Крымскихъ земель, Указомъ, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ Я вѣсъ отъ сей должности уволить, предоставляя вамъ присутствовать по прежнему въ Правительствующему Сенатѣ.

Удовлетворяя симъ желанію вашему, Я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за ваши труды и изъявить вамъ мое сожалѣніе, что далѣе не могли ихъ продолжать. Пребываю вамъ благосклонный

Въ С-Петербургѣ,

Іюля 1-го дня, 1805 года.

На подлинномъ:

Александръ.»

Въ послѣднихъ словахъ сего Рескрипта, хотя очень милостивыхъ, примѣтилъ я, однако, неудовольствие Государя на то, что я просилъ увольненія отъ Комиссіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, потому что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣ оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ, при нѣкоторомъ случаѣ, откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыму жалѣть тамошній народъ, которой очень полюбиль менѣ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще, конечно, довольны мною. Недовольны были только тогдашніе начальники Губерніи, потому что

пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало, и особливо дѣдовали они на меня за то, что я вступилъ за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ, и оговоръ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному Мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрмѣ, срамили, водя по гору, какъ важнаго преступника.

По званію Сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе Суда на сдѣланныя невиннымъ изтязанія, которыя изслѣдованіемъ и изобличены. Между тѣмъ я представилъ Сенату, и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6 Департаментѣ. Я далъ голосъ о защитѣ и возданіи невинности, и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушили. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частью, которой, въ своемъ представленіи, всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ Мурзу, и обвинять всклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее Собраніе. Лишь только въ него оно вступило, получается рапортъ, что подлинные воры найдены, а всѣ оные мученики Таврическаго Начальства ни сколько виноваты не были.

Въ Общемъ Собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ тѣми или другими словами согласились въ Общемъ Собраніи всѣ; только я слышалъ, что смыслись нѣкоторые тому, что я, на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ), написалъ: «Радуясь, что, наконецъ, столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я щастливой случай защищать, остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ, въ Департаментѣ данной», и проч. Смыхъ надъ этими словами означаетъ немилость ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ, какъ Джантемиръ Мурза не заслуживалъ тюрмы, а ежели смыслись не безграмотные, то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно. Оправданіе мертваго Каласа читаютъ съ восторгами; а что свои беспокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюряхъ безвинно и пытали, это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ по тому, что ужъ не льзя

иначе, или когда нѣть никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали!

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція, а здѣсь Джантемиръ Мурза, поселяне, Мухинъ съ Гласовымъ, и Русская Таврида?

Впрочемъ, я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и величимъ дѣломъ почитать: это дѣло должно быть самое натуральное. Не защитить невинность, когда можно, есть адская холдность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ Сентябрѣ 1805 года, возвратясь въ Москву, началъ я присутствовать по прежнему въ 5 Департаментѣ Сената, которой тогда былъ переименованъ 6-мъ Уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семъ нашелъ я уже не по прежнему. Въ стро-
гое, какъ говорятъ, время Павла I и въ первой годѣ царствованія
благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ, Александра, въ которомъ отлу-
чился я изъ присутствія онаго Департамента, старались общими
силами, сколько можно, облегчать нещастную судьбу судимыхъ; но
тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строже,
и не только ни мало не принимали на себя труда сыскывать въ
законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ, способы къ пощадѣ человѣчества,
но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зѣ-
нью и разсудку. На примѣрѣ: были споры о томъ, чтобы не недѣлю,
а мѣсяцъ, продержать въ смирительномъ домѣ. Основаніе такого спора
столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о
его неосновательности. Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью деся-
таго. Хотя и прежде подобная рѣшенія случались, но надобно, ко-
нечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому при-
чинѣ въ законной, или естественной, справедливости.

Было дѣло, что Уѣздный Судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько
человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными зна-
ками, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя,
нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни,
ибо судимые не признались, и нѣть противъ ихъ также доказательствъ,
которыя бы изключали всю возможность къ ихъ невинности (да и
едва ли можно когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить та-
кая доказательства по одному изслѣдованию обстоятельствъ, ежели
строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами осно-
вателнаго разумѣнія!). Но чтобъ не поощрять къ непризнательности,

Палата полагала сослать тѣхъ людей, по крайней мѣрѣ, на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно, ибо они въ повальномъ обыску не опорочены, а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ, представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ? — Большая часть утвердила заключеніе Уѣзднаго Суда. Я, съ своей стороны, далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разсматривать такого дѣла, по которому и приговора законного не сдѣлано, и что его должно возвратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору, ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобы она сама прежде постановила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное. Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ Департаментѣ, и, къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ больше въ немъ пустаго противъ меня шуму.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ учрежденіе раздачи, прежде слушанія дѣлъ, извѣстныхъ изъ нихъ записокъ. Въ соображеніяхъ Сената уже не разсуждали о дѣлахъ, а высыпали записи съ мнѣніями, на скорую руку написанными, или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальними разсужденіями, соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравицца, (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ) или весьма съ предложеніемъ Оберъ Прокурора и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ, учрежденіе сихъ записокъ весьма полезно, естьли бъ всегда сохранялась прямая цѣль его, и оно, какъ учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предпріимчивому, къ общему благу усердному, Министру и большому геню-поэту, которой представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что онъ не соблюлъ тутъ должной нѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по именнымъ подписаніемъ Указамъ, а не по докладамъ Министровъ, или Генераль-Прокуроровъ. Доклады пристойно Министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ, а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ, и, конечно, ему извѣстно должно быть особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, которой есть то верховное Правительствующее суди-

лище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не Министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюлъ той, по мнѣнію моему, почтенной нѣжности, о которой я сказалъ.

Итакъ, вышеписанная мною новость въ 6-мъ Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону, омывать, по крайней мѣрѣ, свои руки и, подавая голоса, крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные и соглашались со мною. Но естьли бъ и никто не согласился, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ споредливаго мнѣнія. Мнѣ часто говоривали (что жалко и повторять): «Вѣдь не будетъ же по твоему.» Какъ будто надоно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ!

Однако больше, нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиной, что, при новомъ росписаніи Сенаторовъ, очутился я въ 8 Департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно Сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему отвѣчалъ мнѣ, что «самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобы всѣ лучшіе Гг. Сенаторы были въ апелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ», но я не могу поверить, что сей родственникъ и въ прочемъ, конечно, доброжелатель мой, не участвовалъ въ ономъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему, отлично проницательному, Министру, знаю однако жъ, что неуступчивые очень ему непріятны.

Сначала не долго я присутствовалъ въ 8-мъ Департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Молниеносные подвиги Наполеона, — сего, Провидением избранного, орудия на доказательства того, что все трудятся зиждущие, аще не Господь созидаешь, — въ концѣ 1806 года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ.

Сие побудило тогда къ известному и весьма памятному учреждению временного земского войска или милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по Губерніямъ съ особливыми наставлениями, для наблюденія при семъ учрежденіи земского порядка, и особенно внутренняго спокойства и тишины. Моею надзору ввѣрены были Губерніи: Тульская, Калужская, Владимірская и Рязанская.

Чтобы лучше представить, какимъ образомъ исполняль я сие важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которая долженъ я быть тогда еженедѣльно посыпать непосредственно къ Государю Императору.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОНЕСЕНИЙ.

Изъ Тулы, 4 Генваря, 1807.

«Отъ сердца, пылающаго любовью къ Вамъ и Отечеству, всеподданнейше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемирнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго мнѣ въ Губерніяхъ, имѣль я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою * жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видаль въ народѣ даже похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сю вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

* При Чулускѣ.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе на нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ вѣроятно быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то, Государь, осмѣлюсь представить, что, при необходимости уже, конечно, составленія земского войска, сохрания во всѣхъ случаяхъ, особенно настоящемъ, столь нужную дѣятельность, весьма, однако, полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопности, которая тотчасъ разливаетъ страхъ въ народѣ. Въ три дни здѣсь испыталъ я, сколько онъ успокаивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобы неослабно и съ наиболѣшимъ стараніемъ каждой, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества, и можетъ быть, больше орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ, однако жъ, чтобы нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкатъ опасно было, ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ не днями считать должно: слава мои, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сie есть точно временное, что, Боже избави Россію превратиться въ государство военное; что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать громы свои далеко за своими предѣлами; а между тѣмъ мирному ея поселянину природно, изощряя плугъ свой, о войнахъ и знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ разсказывается ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго поконить онъ лаврамиувѣнчанную старость.

Между тѣмъ, Государь, вездѣ усердіе и вѣрность достойны сыновъ Россійскаго Отечества. Гнусная лесть была бы, однако, увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаются крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, естьли уже необходимость того требуетъ.

Государь! Усердіе и любовь моя къ вамъ и Отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. Итакъ, конечно, говорю вамъ правду. Я живъ въ Москвѣ и общий образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кроме водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи

тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажеть Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, недостойной выговаривать именование Царскаго Престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ Царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ государства, но и вся возможная слава и сила вѣнѣ не дѣлаютъ народовъ щастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патріотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самаго рачительного сбереженія, какъ самый драгоцѣнныи залогъ прямой силы и твердости Отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похвалая здѣсь такое расположеніе, не считаю, однако жъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для Государства пользы, усиливать возбужденіе оное. Истошніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое Московское купечество, славяся, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣль я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣль я и слезы отчаянія. Впрочемъ, они же это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная траты.

Обыкновенно, нѣсколько человѣкъ завлекаютъ большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу, и пріемлется таковою и награждается, часто бываетъ, въ прямомъ существѣ своемъ, совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу говорить неправду Государю, и не такому, какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ Отцемъ Отечеству и примѣромъ благости Царскаго Сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю: ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для Отечества и гнѣва Царскаго, потому что Отечество люблю больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1. Весьма бы нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ потребностяхъ опредѣленіе отношеній милиционнаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ и къ вѣдомствамъ земскимъ, дабы заградить всѣ возможные пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйствскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части, пути, которые неопределенностью и неограниченностью точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствіе двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успеху дѣла. Нужно, весьма нужно, взаимное содѣйствіе и согласіе; но послѣднее столько же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ ненатурально, при движениіи страстей, свойственныхыхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ, столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется, думаю, никакъ за предѣлы управления милициею.

2. Хотя и не сообщена еще намъ Инструкція или грамота, имъ данная 20 Декабря минувшаго года, но мнѣ известно, что при назначеніи дней для экзерцій милиционныхъ, назначается въ ней день изъ определенныхыхъ для работъ на помѣщиковъ.

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственнаю удобностью помѣщиковъ. Но, Все-милостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій поданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствіи его, всенподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобы, не возобновился Указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающей власть послѣднихъ, несходно съ общую пользу, Указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его, и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходительнѣ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобы

не было на Русской землѣ ни одного несвободного человѣка, есть ли бѣ только то безъ вреда для нея возможно было; и наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ, долговъ моихъ, не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни.

Итакъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть, безъ пристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣ для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ разслабленіе оныхъ связей. Внушенія никакія не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ!

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшней области, Генералу Тутолмину, въ бесѣдѣ съ нимъ по дѣламъ милиціи, при отъѣздаѣ моемъ изъ Москвы, обстоятельнѣйше совѣтовать, чтобы, при назначеніи дней, не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работы крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. Простите мнѣ, Государь: я доношу все откровенно.

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную Вашу руку. Да подписываетъ она только миръ и благо-денствіе Россіи!

Изъ Тулы, 11 Генваря, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ, обозрѣнію моему вѣренныхъ, ничего, кроме пріятнаго, не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню Нового Года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія Дворянскаго, а Предсѣдателей всѣхъ. Особо собравъ ихъ, съ Предводителемъ Губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сие послѣднее и вообще людей нижшаго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то не нарядно, а въ короткости простаго обхожденія, въ простотѣ образа моей жизни, ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобы яснѣе представить.

Составъ земскаго войска идетъ съ наиболѣшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ, Высочайше вѣренныхъ обозрѣнію моему, Губерніяхъ, Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской.

Общий духъ рвенія и вѣрности не можно описать довольно. Но не могу я также скрыть, Государь, и Боже меня избави скры-

вать отъ Васъ что либо, до спокойства и общей пользы отечества относящееся. Не могу скрыть, что частно, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери, естественно, жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобы составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они подвинуты будуть противъ непріятеля, котораго каждой изъ нихъ, по безпримѣрной склонности учрежденія, и такова чрезвычайна, какъ есть учрежденіе столь многочисленной милиціи, считаль, по крайней мѣрѣ, далеко уже внутри Россійскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ. Едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ сдѣлано прежде, а распоряженія, успокаивающія, пришли послѣ, какъ-то: убѣженія большія о временноти земскаго войска; повелѣнія оставаться ему въ прежней одеждѣ; не брить лба и бороды; распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сie не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство вообще разстроивается, не говоря еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытѣ неудобности слѣянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посыпи, или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ, требуетъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ, и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ, не близкихъ, для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же Губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленные мѣста и на долгое время. Каменщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ, и пр. и пр. И то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ Губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходитъ съ 15 не съ большимъ, и безъ малаго съ 14 ревизскихъ душъ, по одному

ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ, въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ. Таковыми въ деревняхъ считаются люди отъ пятидесяти лѣтъ, а здоровые иногда и старѣе, до 15 и 14 лѣтъ. Сколько же изъ такихъ въ милицію годныхъ остается? И изъ сколькихъ же по прямому разсчислению долженъ вступить въ нее? Третій, четвертый и едавали гдѣ пятый опредѣлится въ милицію изъ работниковъ, коихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ, для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ, на примѣръ: извѣстно мнѣ въ Губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго Губернатора, не уповательно, чтобы точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной Губерніи все положенное съ нея число ратниковъ; ибо Калужская Губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ Губернаторъ пишеть ко мнѣ, что не торопится круто и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобы, имѣя въ предметѣ точность исполненія, и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на Г. Львова весьма положиться можно, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно, однако, сниходилъ бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху. Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей разсыпанныхъ по всей Россіи вдругъ отыскать нѣть возможности. Въ селеніяхъ же промышленныхъ Губерній, и особенно въ зимнее время, остаются по большой части люди, имѣющіе свыше 50 и менѣе 20 лѣтъ.

По убѣдительной прозѣ здѣшняго Градскаго Общества, которое, какъ и дворянское, отличилось здѣсь усердіемъ и важностю пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на семь дней наборъ, или вписаніе въ милицію Тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобы въ это время отыскать сколько можно изъ нихъ находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго и для поставки людей больше годныхъ.

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не

могутъ, то кажется ощутительно. Сколько же неторопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокаиваетъ и одобряетъ народъ, начиная отъ самого дворянства, то имѣль я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо отечества, въ которомъ единственно и она блестать можетъ, суть первые у меня предметы въ дѣлѣ, Высочайшею Вашею довѣренностью порученномъ.

По искреннему моему къ нимъ усердію, еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть Имперіи обязывается важною и затруднительную повинностію состава, вооруженія и снабженія земскаго войска, другая (не говоря о пограничныхъ Губерніяхъ), Манифестомъ 6 Декабря минувшаго года, только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающаго общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ милиціи не вошедшиа, Губерніи и больше принесутъ, особенно при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя, какъ уже я осмѣлился, по откровенности моей, доносить, не содѣйствуютъ, однако жъ, существенно къ основательной пользѣ отечества; кроме того, что разрождается отъ того междусобная зависть и размножаются случаи, подъ лициною рвения, изощряться лукавству честолюбія, или корысти, на счетъ же общи, тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ, быть принесутъ они и больше, но они имѣютъ право и ничего не приносить, тогда какъ прочія Манифестомъ же обязаны не-премѣнно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право сіедается имъ съ Монаршаго Престола, однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявляемыхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! Прости мнѣ дѣлъ, обѣ Отечество, говорить Вамъ не то, что у меня на сердцѣ, не то, что въ мысляхъ у меня.

Много бы сказалъ я, за долгъ почель сказать, у ногъ Вашихъ, есть ли бѣ я имѣль щастіе быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во времѧ сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія и погрѣшность, ебыли бы представлениѧ мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что тоже бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ Престолу и Отечеству, но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, не гнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорского Величества, для единообразного и общаго постановленія по милиції, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечкѣ естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть непремѣннымъ чрезъ всегдашнее наполнение изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ у милиционнаго начальства, то сіе было бы не только неудобно, ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были, и мѣщане, но и крайне несправедливо и неуврнительно.

На примѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по тысячѣ ревизскихъ душъ, изъ каждого впишется въ милицию по 70 человѣкъ.

Между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжится въ одинъ годъ половина, а между другими ни четвертой доли, что весьма можетъ случиться по массѣ селеній. За что же первыхъ собрати поселянъ, наполненiemъ изъ нихъ же, усугубится отягощеніе, и безвинно: ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратиевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ? Розыскъ тутъ строгой по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣснителенъ, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ. Возлагать же за утечки оныя ответственность на помѣщиковъ, или начальства сельскія, волостныя и мѣщанская, было бы творить виноватыхъ.»

Изъ Тулы, 18-го Генваря, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской Губерніи все благополучно; и въ прочихъ Губерніяхъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ. Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ. Ввѣдъ одинъ духъ усердія и покорливости.

Найлучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска; люди готовы. Встрѣчается только

индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и однокихъ; а изъ семейныхъ, въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются, чего нельзѧ было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся. Видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ пылаютъ одолѣніемъ неистового врага спокойства.

Не внесеть онъ оружія своего въ нѣдра нашего Отечества. По крайней мѣрѣ не хотѣть дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ Русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его, къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни. * Но дай, Боже, чтобъ, кроме такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней святыи подчиненности; чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное, и чтобъ, наконецъ, не изострилось внутри пагубнѣшее оружіе отъ злоупотребленій самого земскаго войска! Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, свое вольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неисчетные пути отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорблѣніе несносное и въ тягость возмутительную народу!

Итакъ, Государь, вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно, все любить Васъ до восхищенія. Но чувство бремени отъ земскаго войска общее же, какъ доносиль я откровенно.

Всѣ, говоря, что щастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско, продолжаютъ думать, что лучше, вмѣсто его, взять со ста по одному, даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрутъ, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управлениемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ при толикой степени власти.

* Предполагали, что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами.

Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать Сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечь ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринуть былъ — разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и щастіе народамъ.

Государь! То время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла.

Государы! Пламеннымъ сердцемъ любви къ Тебѣ и Отечеству — у ногъ Твоихъ, руки Твои омывая слезами, говорю, будь только всегда Александръ, великий благостью! Она все преодолѣетъ.

Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами, Государь. Руководствуясь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына Отечества и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имени только.»

Изъ Тулы, 24 Генваря, 1807.

«Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему Императорскому Величеству со всею откровенностью безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Пріемлю только смѣлость представить Вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшней области предполагается учредить иѣкоторой однорядокъ въ одеждахъ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроемъ крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные; особые пояса; на рукахъ перевязки съ шифрами; шапка одного манера и цвѣта и проч., и проч., что, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарѣвшагося въ искусствѣ его Генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучшимъ считаю все сіе оставить бы, естьли можно, ибо оно хотя въ мелочахъ, но все обязываеть на повинности, еще новыя и не безубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ не избѣжныхъ, и, что всего важнѣе, больше утвердить можетъ народъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особынностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отврашать при сліяніи

властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установление представляется отмѣною данного Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Указа и Правительствующему Сенату, чтобы людей, въ милицію поступить имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ, въ таковую же одежду, въ каковой они прежде ходили. А потому откровенно донесу, что и слухъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ пріемляется.

Вся же одежда и проч., по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, уже всѣми приготовлена; и такъ отмѣна еще съ немалымъ всѣхъ убыtkомъ затруднить.

Смѣло донося Вамъ, Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ освященнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую руку, отъ которой ожидаю всѣ побѣдъ и милостей.»

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, спѣша въ ту же ночьѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно было притти въ тотъ вечеръ, считая, что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптикъ отъ 16 Генваря, въ которомъ и милость и гиѣвъ изъявлялись. Начать рескриптикъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по Манифесту о милиції. Потомъ Государь, сказавъ мнѣ, что «не скроетъ Онъ отъ меня, что не безъ удивленія нашелъ Онъ въ донесеніи моемъ разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному мнѣ препорученію», изволить описывать причины составленія временнаго ополченія, и заключать рескриптикъ слѣдующими словами: «Я увѣренъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія земскаго войска, но вы столько чувствуете долгъ вашъ, что пощите исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.»

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ:

«Высочайший рескриптикъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16 Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ Васъ, и не скрою никогда.

Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и вѣтъ мои донесенія. И нещастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ

она гнѣвъ на меня Государя моего, нещастійшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложеній на меня обязанности, Всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнять повелѣнія Ваши не уступлю я никому.

Всеподданѣйше подношу при семъ донесеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.»

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа и, отдавъ Почмейстеру для отправленія, спокойно сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностью и смѣлостью правды, какъ увидять изъ слѣдующихъ донесеній.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ВЫПИСКИ ИЗЪ ДОНЕСЕНИЙ.

Изъ Рязани, 30-го Генваря, 1807.

«Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ, Государь, и Отечеству, тотъ же здѣсь, какъ и вездѣ. Равно и образъ общаго мнѣнія о учрежденіи земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣронподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Не изобильны пожертвованія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію представлять въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ-то: въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особенно изъ семейныхъ, что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощению одиночекъ. Есть такие, кои скрываются, или нарочно удаляются, имѣя паспорты, полученные прежде Манифеста о составленіи земскаго войска.

Безпокоятся и здѣсь также тѣми однорядками, о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.»

Изъ Калуги, 7 Февраля, 1807.

«Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ Всемилостивѣйшимъ дозвolenіемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпускать и въ дальнія работы и промыслы. * Желательно только, чтобы образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій, чтобы формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей, не стѣсняли никакъ ползу сего, отеческою милостью къ народу начертаннаго, повелѣнія, и чтобы миличное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовалось всегда одними благородными видами частной хозяйствской и общей отечества пользы.

Истинно, Государь, всякое облегченіе повинности земскаго войска неизобразимою благодарностью возносить къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподданныхъ, пылающія любовью къ Вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ такихъ чувствованій повергается къ Вашимъ освященнымъ стопамъ.» и проч.

Изъ Калуги, 13 Февраля, 1807.

«Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобы все покорялось Россійскому скипетру, и чтобы Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣляя благотворную руку сю, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше мое поздравленіе съ новою надъ врагами отечества знаменитою побѣдою, ** которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и Отечеству.

Отъ 7 числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской Губерніи земское войско готово, и все къ составленію его сдѣлано найлучшими мѣрами.

Нынѣ же, какъ о существеннѣйшемъ, донесу, что съ восхитительнѣйшою радостью принято Всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Императорскаго Величества, опредѣляющее лѣта вступающимъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50, *** и повелѣвающее на убылія изъ

* Тогда выпишко повелѣніе отпускать въ работы и промыслы; а до того, съ началомъ изданія Манифеста о милиціи, всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощению крайнему.

** При Прейсишъ-Эйлау

*** Сіи лѣта назначены были, съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ пред-

нега мѣста рядовыхъ другихъ не требовать. Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ Инструкціи о должностяхъ чиновниковъ земскаго войска, отъ здѣшняго областнаго начальства составленной, къ неописанному затрудненію и отягощенню всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ участковъ, изъ коихъ случится убыль. * Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены во всей точности, сходно съ Манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ Указами Вашего Императорскаго Величества. Но отъ начальства ея требованія новыя, касательно обрата одежды, рода и количества оружія и проч., производятъ во всѣхъ Губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніямъ, кои обязываются на исполненіе оного.

При семъ, по откровенности безпредѣльного усердія моего, не могу я, Государь, удержаться, отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать, что хотя Вашему Величеству благоугодно было облечь Главнокомандующихъ обласными земскими войсками такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областнаго войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя Ваши повелѣнія, но сіе, конечно, не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ, какъ и самій Правительствующій Сенатъ, коего указамъ Монаршею довѣренностью издавна присвоена сія сила, не можетъ, конечно, дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложеніи на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше, возможность ею дѣлать устраниющіяся отъ точности извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей предписанія такія и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводить въ недоумѣніе всѣ земскія вѣдомства и большое разливаетъ стѣсненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для збора и

ставленіемъ отъ 11 Генваря, въ коемъ представлялъ я и противъ оного наполненія.

* Инструкціи, въ коей сіе предписано было, уже никогда послѣ не отыскивали.

ученія милиціи изъ дней подъ наименованіемъ работныхъ на помѣщица, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ свое мѣсто Высочайшемъ ко мнѣ реескрипти изобразить, что оное, «хотя упомянуто въ данной грамотѣ Господамъ Главнокомандующимъ областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ;» однако въ по-мнѣніи же Инструкціи * отъ здѣшняго начальства сего войска, которая, по существу своему, конечно, всѣмъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дни въ недѣли изъ работныхъ на помѣщи-ковъ. О семъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое пред-ставленіе осмѣлился сдѣлать.»

Пѣтъ Владимира, 1 марта, 1807.

«Въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благотишино.

Въ послѣднюю прѣѣхавъ, здѣшнюю обозрю и извѣдаю на мѣстѣ все, повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Прѣѣзжая, видѣль я у городскихъ и сельскихъ жителей неописанную радость о тѣхъ облегченіяхъ по милиціи, которая Ваше Величество Всемилостивѣйше сдѣлать изволили. «Дай Богъ здоровья Государю!» говорять чистосердечно поселяне, прибавляя: «Когда-то со-всѣмъ отмѣнится?»

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что, конечно, отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. «Дай-то Богъ, дай-то Богъ!» отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемилостивѣйший Государь! Я думаю, что у Монарха мудраго и добродѣтельнаго, истиннаго Отца Отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе должны давать право на смѣлость представлений и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и Царедворскихъ должностей. Итакъ, въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда я для себя считаю священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ ко-торый отмѣнится земское войско.

* Сія-то Инструкція тотчасъ тогла изчезла.

И четвертая часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего государства собранного и воински устроенного, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее, а для народу легчайшее; ибо совершенно общий образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному, даже по два рекрута со ста, и отдаленіе людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управлению единочальствомъ воинской власти, сколько нынѣшие сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и землемѣльца, или промышленника, и купно ратника можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своееволія.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайного числа умноженное войско можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо, и изъ всякого рода организаціи возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердо, если они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю щастіе быть до гроба

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

Изъ Владимира, 8 Марта, 1807.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше доношу, что общая тишина и спокойство непрерывны въ здѣшней Владимирской и въ прочихъ, обозрѣнію моему вѣренныхъ, Губерніяхъ, изъ коихъ еженедѣльно получаю извѣстія.

Все, касающееся до составленія земского войска со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимирской Губерніи, весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же, какъ, по возложенному на меня долгу, въ откровенности доносиль я изъ прочихъ Губерній.

Найтицательнѣйшее внушаю я о временноти онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сие тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка и въ неважномъ еще

видѣ, расположение къ своевольству, отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особливымъ живутъ начальствомъ, и плодъ заблужденія сего, доселѣ не вящій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и domы истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малая послушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только неупустительными, средствами, которыя и подтверждаютъ бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е., въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

Изъ Москвы, 18 марта, 1807.

«Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи земского войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и конечно съ миллионами, любезнѣйшее Отечеству имя Ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловалъ Вашу руку, коей скіпетръ вручило милосердіе небесъ къ человѣчеству. Да, едвали была когда въ Россіи радость, столь общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состояніямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ!

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльного удовольствія истинно вѣрноподданической любви къ Вашему Императорскому Величеству и пламенного усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ четырехъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему вѣрены были.

Во всѣхъ, относящихся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ рвеніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертвованія вездѣ продолжаются въ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Владимирской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ Всемилостивѣйшаго означенія Высокомонаршаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все, повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ предписано въ Высочайшемъ реескрипѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливости Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно неописаннымъ усердіемъ къ истинной славѣ Вашей и къ твердому благу Отечества.

Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ оттѣноокъ предъ Монаршимъ Престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, не изгладимо впечатлѣвшійся въ сердце, совершенно преданное служению Вамъ и Отечеству; а въ дѣлѣ, толико общественному и столь нѣжно касающемсяя непоколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, и малое отступление отъ онаго правила моего, было бы, по мнѣнию моему, сущее предательство.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Преобразованіе земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило несказанно; оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ имѣль я смѣость усердія представлять Государю отъ 1-го Марта изъ Владимира, только что не четвертая, а третья, часть оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало, какъ известно, существовать сіе войско и возвратилось въ свои прежнія состоянія, кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики, или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ, для зачета въ рекруты.

Миръ, и съ сохраненіемъ чести Россійской Державы, въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ.

Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный притомъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ различного рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія осмѣляться сказать, что главное искусство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобы сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычай, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ.

Хорошо бы имѣть военные силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенные по тактикѣ Тюренновъ, и Фридриховъ, для отраженія только ненріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обшир-

ной, и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаются, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости, цѣлое же Государство непримѣтно подвергаютъ очень большой къ ихъ ослабленію. Обѣдать не въ полдни, а въ шестомъ часу по полудни, а ужинать въ третьемъ за полночь, конечно, не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобы не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе; всякой почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздѣ, женщинамъ быть въ новомъ платьѣ и тому подобное, нежели завоевать нѣсколько проvinцій, хотя и не меньше трудно.

Истинной патріотизмъ въ томъ, чтобы желать Отечеству истинаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобы не на Французовъ, или Англичанъ, походили Русскіе, а были бы столько щастливы, какъ только они быть могутъ.

Что такое любить Отечество? Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой роднѣ своей, любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красивыхъ нарядахъ и обширными владѣлачами, таетъ и чахнетъ? И не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобы онъ выѣдоровѣлъ, когда еще можно?

Такъ, конечно: самая суетная привычки, самая мелкія связи обычаевъ, обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахарѣ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ, — и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Царяграда, могли бы, думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Не много обезпокоить они и своею невѣрностью въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думаю, вѣсма бы могло быть полезно, съ большою удобностью сохранять въ ней всегда и перевѣсь въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выпускать можно съ Турецкой стороны, при полезнѣи переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія, сего источника обилія и силы Государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человѣкъ частный, чѣмъ меныше имѣеть надобностей, тѣмъ меныше и зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думаю, что составившаяся у насть надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо съ нихъ нужды, никогда не допустить и купечество наше быть столько богатымъ, сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣйномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Естьли не можно сверху, то вползаетъ она снизу, и трудно изъ флеровыхъ ея сѣтокъ выпутываться безъ старинной Русской простоты и безсребренничества.

Но про все это знаютъ большіе... а мнѣ пора оканчивать свои Записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16 Генваря, 1807 года, которой вписалъ я здѣсь въ свое мѣстѣ, не получалъ я никакого отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обозрѣніи Губерній, во время составленія земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ первого особеннаго отъ Государя наставлѣнія, коимъ оное на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ известно, наградахъ за эту милицію, Сенаторы, товарищи мои въ этомъ дѣлѣ, ничего не получили, по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ Московскихъ Департаментовъ, знаю я, что и благоволенія сказано не было. Думали, что не яли тому было причиною, ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно.

А что Государь имѣть на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта Его. Впрочемъ, не хочу я повторить, чтобы Онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но Онъ, вѣроятно, находиль, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія.

Я, однако, по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были, и какія едва вѣками бывав-

ютъ. Зная неудовольствіе на меня Государево, не беспокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ Него оное на меня неудовольствіе.

Время, и скоро, оправдало, конечно, въ очахъ Его всѣ мои представленія, и Онъ въ томъ же году озnamеновалъ ко мнѣ милость свою и притомъ характеръ свой прямо Царскій.

Сія черта истинно означаетъ величие души Его и любовь къ правдѣ.

Награждать за пріятное, естественно очень; но послѣ гиѣва, которой также иногда и напрасной, естественъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ, никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличiemъ того, на кого простирался гиѣвъ онъ, есть дѣйствіе благотворительности велико-душной, предпочитающей справедливое пріятному.

12 Декабря, 1807 года, Государь пожаловалъ нѣсколькихъ Тайныхъ Совѣтниковъ по старшинству въ дѣйствительные Тайные Совѣтники. Въ числѣ ихъ я пожалованъ быль послѣдній. Иные изъ нихъ, я знаю, что очень того желали и давно искали, а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особыло, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ.

Государь приказалъ подать списокъ Тайныхъ Совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796 году. Повѣряя списки самъ по печатному списку, издаваемому Герольдіею, увидѣлъ мое имя первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ Ему въ спискѣ. «Что жъ его тутъ не помѣстили?» спросилъ Государь. — «Онъ произведенъ въ 1797 году,» отвѣтствовали Его Величеству. — «Однако жъ въ началѣ,» отвѣчалъ Государь, «и такъ это мало разности,» — и Самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило, все, однако жъ, пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно, и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, конъ его старѣ; но послѣдній, безъ всякого вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непремѣнно значитъ вниманіе милости.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтъ, что я чувствую и при семъ случаѣ все величие души Его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что «Ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ Ему моихъ чувствованій,» и проч. *

Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими Его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ моихъ мыслей о милиції, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ Общемъ Собрании первыхъ 3 Департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ. **

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ Губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ, по слуху составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8 Департаментѣ, знакомился я съ апелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали. Продолжаль я также и обычай мой не соглашаться на то, что несправедливъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда меня такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ ее.

Въ ономъ Департаментѣ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположению и не по законной справедливости, а для того, что угоджать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворять прозьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершенного, по законамъ, ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобы не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей

* Подтверждение онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ имѣть я щастіе видѣть въ пріѣздѣ Государевъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, въ которой, при оглично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ Онъ пожаловать меня Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

** Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиной, наконецъ, самого несправедливаго и разорительнаго для менѣ рѣшенія онаго дѣла.

подборомъ подъ законы есть разрушение силы ихъ во вредъ общей. И кромъ, вреда сего, какой же плодъ такихъ решений? Несколько десятковъ, или сотенъ, не будутъ подъ властью помѣщиковъ съ тѣмъ, что большая изъ нихъ, можетъ быть, часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ, Министръ Юстиціи предложилъ, что не имѣть мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилетней давности, уничтожающей всякие иски, и всѣ Департаменты сіе приняли, но я не согласился, и не соглашусь прежде нежели будетъ на то Указъ Государевъ, которой одинъ можетъ перемѣнить законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ, а въ толкахъ о разумѣ ихъ могутъ быть разномысліе и ошибки у всѣхъ Министровъ и Сенаторовъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилетней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то, натурально, и никакого времени уважать не должно; а за сто, за двѣsti, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ — кто жъ найдутся крѣпостными? И такъ взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ решений, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно не допустить. Цѣлые селенія, многія тысячи душъ, стануть производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подушеньемъ на неѣ, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутами и ссылками, ежели не висѣлицами, что также бывало.

И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя ни сколько тутъ не вмѣшивается и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы, отъ 4 Генваря, 1807 года.

Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, чтобы не было на Русской землѣ ни одного несвободного человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управление помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобы начальники Губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ быувѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельского. Свойственно мягкое сердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся, могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ъѣсть только то, что имъ велятъ лѣкарі; свойственно добромъ сердцу желать, чтобы они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить.

У насъ въ решеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанія, но по тому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобы не спорить съ Министромъ Юстиції.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилетняя давность не простирается, я, не согласясь, записалъ въ Общемъ Собраниі Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ:

«Если не простираять на подобныя дѣла десятилетней давности, и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общей подрывѣ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденного преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ пополновенію людей, злонамѣреніемъ, или невѣжествомъ, водимыхъ, смущать простодушіе, часто, противъ истинной пользы своей, желающихъ оной свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжебъ, разслабляющихъ неописанно полезная для общественнаго покоя и благоустройства связей подчиненности!» 20 Марта, 1808.

Иные изъ товарицей очень хвалили мой патріотизмъ — и всѣ согласились съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобы не лишать селенія солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ дѣтей, въ нихъ воспитанныхъ.

Законы очень справедливо укрепляютъ ихъ за помѣщиками, и въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнести съ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденного преимущества его, а равно и къ неустройству общественному возбужденіемъ безчисленныхъ тяжебъ

между крѣпостныхъ людей и помѣщикомъ, спокойно, полагаясь на законныя учрежденія и самыи временемъ укрѣпленныя, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ, людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ Общемъ Собраниѣ Сената Московскихъ Департаментовъ. И, кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій отъ лишенія помѣщикомъ и селеній людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженiemъ самаго полезнаго въ немъ состоянія землепашцовъ, которое есть при томъ самой надежной и прочной запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807 года отъ того, что я мѣсяца два не могъѣздить въ присутствіе за болѣзнью въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши, очень больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили ко мнѣ обыкновенно подписанныя уже товарищами, и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то принужденъ былъ давать противной голосъ.

Товарищи особливо со мною не любили соглашаться. «Не уже ли,» говорили, «одинъ всѣхъ умнѣе?» Сильнѣе этого резона не слышно было. — «Не уже ли, говоривъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, одинъ Генераль-Прокуроръ, или Оберъ-Прокуроръ, всегда всѣхъ умнѣе? а вы съ нимъ соглашаетесь?» — Иногда отвѣчали: «Ихъ это должнасть.» — Какъ будто нѣть каждого Сенатора должности объявлять свое мнѣніе, и въ немъ по справедливости настаивать!

Расположеніе не соглашаться со мною отмѣнило оказалось въ однѣмъ дѣлѣ. Приходитъ въ 8 Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на Господина и Госпожу свою. Дается резолюція: «Возвратить жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента.» Приносятъ ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что прозьбу онуя возвратить, какъ только не принадлежащую до Департамента, есть то же, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она будто по приличности принята быть можетъ. А по законамъ — и весьма съ общуютишиною и благоустройствомъ соображенными — отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщикомъ не вѣрно принимать и какихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитая всегда уважать все то, что соблюдается связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія, и во исполненіе сказанныхъ законовъ думалъ я, что должно прозьбу онуя передать въ Уголовной Департаментъ, для уваженія и поступленія по онимъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобы только заспорить, или поставить на свое, чѣмъ право я даже гнушаюсь, и зная, сколько товарищи не любятъ со мною соглашаться, не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору, и долго старался, чтобы перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ, или двумя, еще кромѣ меня, подписано не было. Однако и тутъ, т. е., чтобы передать только бумагу въ другой Департаментъ: «Не ужели одинъ всѣхъ умнѣе?» — подѣствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищѣй, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла, и не подписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ Общее Собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ Общее Собраніе, то я на Запискѣ было написалъ, что какъ уже дѣло въ Общемъ Собраниѣ, то въ скорѣшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6 Департаментъ, прямо предписать Губернскому Начальству о поступленіи по законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это по чему-то ненадобнымъ: «Ты меня завѣль,» говорилъ онъ, «въ свое мнѣніе, а теперь отступаешь.» Хотя по моему понятію и не было это отступленіе, однако, въ удовольствіе моему товарищу, я вычернилъ написанное мною, и подпись только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Тѣмъ я доказалъ еще, что нѣть во мнѣ упрямства, которое многіе право очень напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я, правда, въ Общемъ Собраниѣ никогда отъ своего мнѣнія, и не соглашался въ отмѣну его ни съ однимъ Генераль-Прокуроромъ; только это отнюдь не изъ упрямства, или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать, послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ обѣ нѣть какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едва ли перемѣнилъ я, помнится, резолюцію свою и въ Департаментѣ Уголовномъ, потому что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что производя ихъ съ тѣмъ

вниманиемъ, какое требуется ихъ важностью, рѣдко, крайне рѣдко, развѣ случиться можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію.

При слушаніи въ Общемъ Собранія дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ, однако, согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8 Департамента, которые въ немъ ее давали. Скоро дѣло сіе возвратилось и изъ Консультациі. Предложеніе по оному Министра Юстиціи довольно пространно. Заключеніе же его состоить въ томъ, что хотя сіе дѣло и принадлежитъ до 6 Департамента, но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ Общаго Собранія къ Начальнику Губерніи съ тѣмъ, чтобы онъ велѣлъ, кому надлежитъ, по той прозьбѣ изслѣдоватъ, и по изслѣдованіи дать се- му дѣлу законное теченіе. Притомъ Министръ говоритъ, что, ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то докажетъ недобро-ронравіе и безчиніе (сирѣчъ помѣщика) и проч.; ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ несправедливою, то докажетъ возмутитель-ность крестьянина,» и проч.

Всѣ по обычаю согласились съ предложеніемъ Министра, а я за- писалъ слѣдующій отзывъ:

«Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и себлюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ пред-ложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ прозьбы крестьянина къ Начальнику Губерніи, но только съ тѣмъ, чтобы было просто предписано о поступленіи въ семь случаѣ по законамъ, ни сколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29 Генваря, 1809 года.»

Въ прошломъ 1808 году три были по Сенату произшествія, особы-ливо достопамятныя:

1. Объявлено отъ Государя Императора неувольствіе за разно-гласіе по многимъ дѣламъ въ 7 и 8 Департаментахъ. 2. Для скро-рѣйшаго окончанія въ Московскомъ Общемъ Собраніи накопивших-ся дѣль, велѣно оному присутствовать и послѣ обѣда по середамъ. 3. Въ 7 и 8 Департаментахъ докладывать по осми и по десяти апелляціонныхъ дѣль въ недѣлю.

Естьли бѣ между Сенаторами была должна твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ, изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить и отъ разныхъ пристрастій; но можетъ быть разномыслѣ основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другаго безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то, кажется, полезнѣе для пра-восудія, чтобы были споры, хотя иногда и неосновательные, неже-ли чтобы не было ихъ, для того только, что боятся спорить.

Что жь принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, го-раздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу по-дождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное, по скоропостижности, рѣшеніе. Лучше проси-дѣть годъ лишній въ тюрмѣ невинному, нежели, отъ незрѣлости ува-женія поспѣшнаго суда, отправиться на каторгу.

И потому-то я не только не жалѣю теперъ, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента, но очень бы опечалился, если бы слу-чилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣль.

Спѣшить и хорошо дѣлать естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасной убытокъ людямъ.

Безмѣрною спѣшнотью отнимутся всѣ способы хорошенъко вни-кать въ дѣла, для должаго обѣ нихъ разсужденія, и по неволѣ оста-вишь ихъ въ рукахъ у докладчиковъ, да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генераль-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ, по не-щастію, всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ Общемъ Собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое. Это можно сказать, хотя, говоря о соб-раніяхъ такого важнаго Правительства, и неприлично бы — одно щегольство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха ни какъ быть не можетъ. Во первыхъ, едва ли чьихъ силъ достанетъ на прилѣжное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ Записокъ. Сіе должно естест-венно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со стороны скорости, то, разчисливъ время, нужное для консультациі по всѣмъ симъ, спѣши-но рѣшимымъ, дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства, ясно открывается, что ни сколь-ко отъ оной спѣшности прямо скрѣе оканчиваться дѣла не могутъ, а хуже разматриваться и рѣшиться будутъ непремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться Сенаторамъ разматриваніемъ дѣль въ Общемъ Собраніи, и ломать свои головы

о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе, развѣ для того только, какъ я нѣгдѣ сказалъ, чтобы омыть свои руки; ибо такъ уже укоренился нещастной обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями Министра Юстиціи, или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно, какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды совсѣмъ становятся лишніе. Самыхъ же Сенаторовъ слабость, конечно, тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями, ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ Судилищѣ и Правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ Государствѣ.

Тутъ-то можно бы кстати сказать: «Неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе, и всегдашнее уваженіе къ такому одному не явно ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ?»

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебнаго порядка, должны быть неразрывны и составлять истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будуть законы, сколько бы хорошо они написаны ни были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись, и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ имъ и справедливости.

Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше, и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сю, удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ самымъ уже тѣмъ громомъ, которой сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе, коего послѣствій вредъ, или пользу, трудно прежде отгадать.

Но все главное въ судопроизводствѣ дѣло — любовь къ правдѣ, вниманіе и порядокъ. Первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ, а послѣднихъ при торопости сохранить невозможнно.

Отъ этой-то, думаю, торопости, разсуждать мѣшающей, или отъ желанія, чтобы какъ можно менѣе входило дѣло, для того, чтобы выслушиваться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, что нѣтъ у насъ дѣло, все перерѣшены, думаю, отъ того, а не отъ совершенной, конечно,

холодности къ человѣчеству, вотъ что произошло въ 6 Уголовномъ Департаментѣ:

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя всегда въ Сенатѣ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе.

Оберъ-Прокуроръ, не находя оного противнымъ закону, не пропустилъ, однако жъ, опредѣленія, потому что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ Общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ, чтобы не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изѣясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ и о могущемъ быть злоупотребленіи отъ неприниманія ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацию, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находитъ, что не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобы не поступить противно указу, запрещающему разность рѣшеній, надлежитъ обѣ отмѣнѣ принятія тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

«Жалобы оныя, не апелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременней теченія дѣлъ, болѣе десяти лѣтъ принимались въ 5, что нынѣ 6, Департаментѣ, т. е., съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственная дѣла переданы были въ него изъ 2-го. Но по симъ самымъ переданнымъ дѣламъ, весьма мнѣ извѣстнымъ, ибо я въ то же время началъ присутствовать въ 5 Департаментѣ, видно, что во 2-мъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде. До учрежденій о Губерніяхъ принимаемы онѣ были также въ Сенатѣ на рѣшенія Юстиці-Коллегіи, Губернскихъ Канцелярій и проч., словомъ: едва ли не во все время существованія Правительствующаго Сената принимались онѣ.

Итакъ опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ, съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило не рѣдко къ защитѣ и избавленію невинности, столько, съ другой, что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ не обнѣяно и для человѣчества безполезно затруднился. Естьли же бы до того, паче чаянія, и дошло, то и тогда было бы время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго. Но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія, чрезъ разсмотриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще никогда по справедливости

сти слишкомъ обремененъ имъ не былъ. Успѣхъ же въ первомъ, стоитъ того, чтобы продолжать трудъ послѣдняго, и въ большомъ гораздо количествѣ.

Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ онаго заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя, на неправость суда сомнѣніе навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ, существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части столь тѣсно сопряженной съ жребиемъ жизни человѣческой, и свободной открыть былъ путь къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то, естественно, усугубятся злоупотребленія отъ небрежности, или пристрастій неискоренимыхъ.

Не оскорбляя вообще самаго почтенаго званія Губернаторскаго, можно осмѣльиться сказать, что бывали Губернаторы и не соотвѣтствовавши своему назначенню. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе. Но естьли были такие, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія безъ преграды ему.

То же можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа. И не дерзко предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ жалобъ на рѣшеніе Уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ, ибо оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія; не дерзко, говорю, предположить, что, когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что, по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору сидѣть будутъ въ тюрмахъ и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку, а изъ казенныхъ поселянъ, мѣщанъ и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ.

Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ, и въ вышнихъ судахъ, какъ и въ нижнихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрайненіе даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраниѣ Правительствующаго

Сената по оному дѣлу о неприниманіи жалобъ, полагаю я, что не должно прерывать принятіе ихъ, столь многіе годы продолжавшееся и бывшее однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для миллионовъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ самой зависимости отъ рѣшеній Губернскихъ.

Сверхъ того не нахожу я, чтобы закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобы уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Правительствующаго Судилища, коему, въ Высочайшемъ Указѣ 1802 года, 8 Сентября, правомъ, должностью и обязанностью постановлено: «Пещись, какъ хранителю законовъ, о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія и прекращеніи всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю я занужное и Сенату примичное, разсудя въ Общемъ Собраниѣ и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ:

Апелляція на рѣшеніе Палатъ по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кроме тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т. е., по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣть всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ, въ трехъ инстанціяхъ, защищать право свое, и всегда знать о теченіи своего дѣла.

А по самымъ важнымъ дѣламъ, осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія, или взятъ его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительной приговоръ, для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участіи, не имѣть никакого способа опровергать несправедливыхъ обѣ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось. Однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ; а безграмотной, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судять, зависить отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать обѣ дѣлѣ.

И весьма случаться можетъ, что истинно невинной и въ невинности своей спокойно ожидающей свидѣтельства ея справедливо-

сти отъ суда, вдругъ услышить, при открытыхъ дверяхъ Палаты, кнутъ себѣ, или ссылку. А Сенатъ просто и не свѣдаетъ никогда.

Всѣ пути его блестительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются; одинъ оставался — принятіе оныхъ жалобъ, которой нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ не разъ и по разсмотрѣнію экстрактовъ сихъ возвращали съ каторги, напра-
сно въ нее сосланныхъ.

Вотъ о чёмъ, по мнѣнію моему, достойно Правительствующаго Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена Коммісія о сочиненіи законовъ, но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣ-
чество, дорогъ и часть.

Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ, о чёмъ я за долгъ зва-
нія Сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу Государ-
ства, и за особенное щастіе всегда почту повторить оное предъ са-
мымъ Августѣйшимъ лицемъ Государя Императора. 29 Генваря,
1809 года.»

Въ Общемъ Собрании большинствомъ голосовъ опредѣлено, со-
гласно предложенію Министра Юстиціи, поднести Государю докладъ
о неприниманіи оныхъ жалобъ. А я, оставшись при своемъ мнѣніи,
послалъ, на той же почтѣ (8 Марта, 1809 г.), на которой докладъ сей
отправленъ къ Его Величеству, съ надписью: «Въ собственный ру-
ки,» слѣдующее представление:

«Правительствующій Сенатъ, въ Общемъ Собрании Московскихъ Де-
partamentовъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему
Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобы не принимать въ
Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижня-
го состоянія, къ тажкому наказанію присуждаемыхъ, такихъ жалобъ,
кои всегда въ Сенатѣ принимались и которыя были для людей оныхъ
однимъ путемъ прибѣжища къ вышнему Правительству, въ случаѣ не-
винности, или осужденій, превосходящихъ мѣру законного опредѣленія.

Разсуждая, что слѣдствіемъ этого могутъ быть большія злоупо-
требленія, во вредъ человѣчеству и правосудію, дважды изъясняль
я въ Общемъ Собрании о всѣхъ злоупотребленіяхъ, произойти мо-
гущихъ.

При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената,
голосъ мой долженъ сокрываться недѣйствительностью. Но, считая,

что дѣло сіе особливой есть важности, по существу своему въ
общемъ кругѣ судопроизводства и по отношенію его къ жребію
большаго числа людей въ Государствѣ, пріемлю смѣлость донести
объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше пред-
ставляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и данныя мною
въ Общемъ Собрании мнѣнія.

Симъ, по крайней мѣрѣ, успокаиваются чувствованія долга моего
званія, одушевляемыя безпредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Ва-
шей славѣ и къ благу Отечества.»

Оканчиваю повѣсть о моихъ быляхъ. Не всѣ разсказаль я ихъ
здесь, но не сказалъ я ни одной небылицы. Будеть ли что еще въ
жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать, не знаю.

Quis scit, an adjiciant hodiernae crastina summae
Tempora dî superi? *

Horat. Lib. IV, Od. VII.

* * *

Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пус-
тынѣ. Лучшие друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью,
или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ про-
свѣщеніи ихъ писаніяхъ, пытаю я душу, а тѣло подкрѣпляю про-
гулкою и воздухомъ. Не бѣжу я на вечерніе обѣды и на утренніе
ужины. Не бѣжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я
никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть,
что видишь актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зреющимъ великаго театра Вселен-
ной, на которомъ чудесная быстрая сцена весьма разительно въ-
ещаетъ, что міръ преходитъ....

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ
своемъ почтенной другъ Юигъ-Штилингъ, сей небомъ просвѣщен-
ный проповѣдникъ истины и предвѣстникъ явленій ея царства.

«Что касается вообще до хода вещей», пишетъ онъ, «въ полити-
ческомъ мірѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому
духъ предсказанія отверзетъ очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того
выйти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, въ

* «Не знаю, доживу ли я до завтра» Переводъ короткой и самой вѣрной.

молитвъ и въ прильжной борьбѣ съ грѣхами, приготвляя свѣтильникъ свой на срѣтеніе Господа.»

Гонить меня къ уединенію и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ обращикахъ, всѣ мечты тщетнаго счастья, и знатность породы и чиновъ, кою такъ малодушно кичатся, и бренность богатства, и горечь сладострастія, и пустоту шумныхъ веселій и тщетныхъ похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы, и не за деньги.* Меня пѣлъ, въ своемъ Владиміръ, Херасковъ, которому недавно отданную справедливость, назначеніемъ отъ Россійской Академіи сочинить ему Похвальное слово, читалъ я съ чувствительною признательностью къ уваженію достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь; къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ искреннюю дружбу, и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностью сердца.

Итакъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго щастья нужно только одно, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, по всему изъ лучшихъ въ Государствѣ, нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Иные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ и не жалѣю, потому что они меня оставили.

Однако, есть еще у меня друзья добрые, и есть люди, которые конечно, меня помнить и любятъ!

Заключу повтореніемъ конца того завѣщенія,** которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ чувствованіяхъ очень непріятврного памятованія о смерти:

* Всего лестнѣе для меня посланіе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807 году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣ особо. Лестно особенно по тому, что я совсѣмъ незнакомъ бытъ съ сочинителемъ, не только чтобы привлечь его благосклонность какою нибудь услугою; да онъ ни въ какой и надобности не имѣтъ. Впрочемъ, похвала сія не можетъ ослѣпить меня; ибо я знаю, сколько свойственно пристрастіе энтузиазма такому добруму и благородному сердцу, какимъ отличается изящной онай поэтъ, украшающій Россійскую литературу произведеніями рѣдкихъ его дарованій.

** Сie завѣщеніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: «Торжество правосудія и добродѣтели или доброй судьбы, 1798 года, въ Москвѣ.»

«Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ! Когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скучности благодаренія къ Источнику всѣхъ благихъ даровъ.

Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ. Да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но и для того, чтобы не сравнять меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ.

Одинъ вздохъ искренней любви больше уладить мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искусства.

Одна слеза нѣжности; — слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли, изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели; одна слеза нѣжности, пролитая на простой, муравою одѣтой, могилѣ моей, болѣе прославитъ мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наследникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ близкихъ.

Нѣть, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и не ограниченной временемъ.

Поминайте меня горячею, вѣрною любовью ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу.

Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоцѣннаго залога дружбы вашей; что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ, и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ, когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесные уставы; что я усердно чтиль во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ бытъ; что естьли кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, го-раздо превосходящихъ то малое добро, которое, можетъ быть, мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать, то, друзья мои, изъ глубины пылающихъ любовью сердецъ вашихъ, пожелайте только, чтобы не по заслугамъ моимъ, а по единимъ щедротамъ Благости

пиль я неисчерпаемую чашу блаженства въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтеть вѣчной садъ радости, гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе разливаются неизсякаемымъ Источникомъ, изъ котораго происходитъ всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.»

КОНЕЦЪ.

«Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы» И. В. Лопухина напечатаны едѣсь во всемъ согласно съ подлинны-ми. Сочинитель самъ роздалъ нѣсколько списковъ съ нихъ знакомымъ своимъ, между прочимъ онъ прислалъ одинъ списокъ и въ библіотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при письмѣ къ начальнику онаго, А. О. Малиновско-му, слѣдующаго содержанія:

«Ваше Превосходительство, какъ просвѣщенаго любителя всякихъ произведеній Исторіи и Словесности и отличающагося въ нихъ искусствомъ, а при томъ по всегдашней пріязни, осмѣливаюсь дѣлать моимъ душеприкащикомъ, вручая книгу моихъ «Записокъ», съ просьбою поставить ее въ библіотеку Архива, гдѣ есть и должно быть собраніе всего — не одной только золотой древности.... Не знаю, понравится ль моя книга. Впрочемъ, есть пословица: «Не любо не слушай, а врать не мѣшай.»

NB. Въ пословицѣ сказано «лгать не мѣшай;» только я это слово по совѣти выкинуть былъ долженъ для того, что я въ повѣсти о моихъ быляхъ не все разсказать ихъ; однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы.»

На Архивной рукописи № 171 — 257 находится собственноруч-ная надпись Лопухина:

«Въ Библіотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ поставилъ самъ

Лопухинъ.»

24 Декабря
1810.